

*and
Time*

D

Star 3245.0! p. 4

Проф. Мих. Грушевский.

УКРАИНСТВО ВЪ РОССИИ, ЕГО ЗАПРОСЫ И НУЖДЫ.

(Глава изъ «Очерка исторіи украинскаго народа»).

Цена 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва «Общественная Польза», Больш. Подъяческая, 39.
1906.

0599
AUG - 7 1924

Проф. Мих. Грушевскій.

1993年3月3日
王海平

УКРАИНСТВО ВЪ РОССИИ,

ЕГО ЗАПРОСЫ И НУЖДЫ.

(Глава изъ «Очерка исторіи украинскаго народа»).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Т-ва «Общественная Польза», Больш. Подъяческая, 39.
1906.

Slav 3225.01

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ROBERT HOWARD LORD
7 AUG 1924

Однимъ изъ самыхъ важныхъ и жгучихъ вопросовъ, одною изъ самыхъ грандіозныхъ и благодарныхъ задачъ, какія предстоитъ разрѣшить освобождаемой Россіи, является, несомнѣнно, вопросъ украинскій. Скорое, успѣшное, спра-ведливое разрѣшеніе его неотложно необходимо не только въ интересахъ самого украинскаго народа—самой болѣй изъ негосударственныхъ народностей Россіи, обреченной ста-рымъ режимомъ на самыя невозможныя условія сущест-вованія,— но и всей освобождаемой Россіи. Подавленіе естественныхъ стремлений огромнаго, тридцатимилліоннаго населенія къ своему развитію и самоопредѣленію неиз-бѣжно порождаетъ не только застой и упадокъ, но и вся-каго рода аномаліи— какъ въ средѣ подавляемой, такъ и въ тѣхъ органахъ, которыми это подавленіе производится. Система гнета и денационализаціи неизбѣжно становится си-стемою политической и общественной деморализаціи, и угне-таемыя провинціи всегда и вездѣ служатъ очагомъ разло-женія для самихъ господствующихъ народностей,—для всего государственного организма. Какого рода элементы создаетъ система, царствующая въ подавляемыхъ окраинахъ Россіи, события послѣднихъ мѣсяцевъ еще разъ показали съ пол-ною очевидностью. Въ числѣ ихъ лишенная условій пра-вильного развитія и самоопредѣленія Украина останется тяжелымъ камнемъ у ногъ будущей Россіи.

Въ нынѣшнее тревожное и кипучее время въ Россіи книга и журналъ все болѣе вытѣсняется газетой и брошюрою. Это понуждаетъ меня, въ интересахъ большаго распространенія, предложить въ видѣ отдѣльной брошюры заключительную главу изъ выпущеннаго на дніяхъ новаго изданія моего „Очерка исторіи украинскаго народа“, гдѣ я имѣлъ въ виду представить современное состояніе украинства въ Россіи, невозможныя условія, въ которыхъ поставлено украинское населеніе, и его наиболѣе неотложныя нужды. Хотя въ связи съ предшествующими главами „Очерка“—съ исторіею украинскаго національнаго движения въ XIX в., обзоромъ отношеній правительства къ политическимъ и національнымъ стремленіямъ украинскаго общества въ XVIII и XIX в. съ одной стороны, и съ очеркомъ современного состоянія украинства въ Австро-Венгрии съ другой,—можетъ быть не все въ настоящемъ обзорѣ будетъ представляться съ желательною ясностью и опредѣленностью, такъ какъ въ книгѣ многое изъ сказанного является выводомъ изъ предшествующаго изложенія, съ большою убѣдительностью и доказательностью, но думаю, что эта глава въ видѣ отдѣльной брошюры также не будетъ безполезна. Не имѣя въ виду представить современное состояніе украинскаго народа въ Россіи во всей полнотѣ и всесторонности, я хочу ею только еще разъ обратить вниманіе представителей прогрессивной Россіи на волющее положеніе, въ которое было поставлено украинское населеніе Россіи старымъ режимомъ, изъ котораго оно не выведено и до сего дня, но должно быть выведено неотложно не только въ интересахъ справедливости, но и въ интересахъ успѣха освобожденія Россіи.

Будутъ ли открыты украинскому народу дороги къ культурному и общественно-политическому самоопределенію, будутъ ли сняты съ него оковы, тяготѣющія на его національной жизни, найдеть ли онъ въ своихъ стремленіяхъ поддержку, равнодушіе или недоброжелательство въ другихъ народностяхъ Россіи и прежде всего—у представителей прогрессивной части великорусского общества,—это вопросъ, отъ

котораго зависить очень многое. Освобождение России невозможно безъ раскрытия входящихъ въ ея составъ народностей и созданія для нихъ нормальныхъ условій жизни и развитія, и то, въ какія условія будетъ поставленъ такой крупный членъ этого союза народовъ, какъ народность украинская, несомнѣнно, очень сильно повлияетъ на дальнѣйшій ходъ освободительного движения и устройство будущихъ отношеній. На это я хочу обратить вниманіе прогрессивной части общества и въ частности—его руководящихъ представителей.

1 мая н. с. 1906 г.

Если въ украинскихъ земляхъ Австро-Венгрии національное развитіе украинской народности, де ѹже обладая полною свободою, встрѣчаетъ большія препятствія въ тяжелыхъ экономическихъ, общественныхъ и политическихъ условіяхъ, дѣлающихъ успѣшное движение его почти невозможнымъ, такъ что Галицкая Русь съ большимъ трудомъ несетъ на себѣ тяжесть даже нынѣшней національной работы и должна разрѣшить цѣлый рядъ весьма сложныхъ политическихъ проблемъ, чтобы достигнуть свободы самоопределѣленія,—то въ Россіи, вообще говоря, дѣло находится въ обратномъ положеніи: украинская народность сдерживается въ своемъ развитіи только внѣшними стѣсненіями и воспрѣщеніями, при наличии всѣхъ условій и потребностей развитія.

Огромный край, обладающій въ общемъ очень хорошими физическими условіями, весьма значительными и неистощенными еще, хотя и нерационально эксплуатируемыми природными богатствами, хорошую, а въ значительной части даже отличною почвою, богатыми мѣсторожденіями цѣнныхъ минераловъ и металловъ, особенно желѣза и угля, большимъ асортиментомъ культурныхъ растеній, возможностью различныхъ промысловъ, располагающей уже задатками значительного развитія фабричной и заводской промышленности *) и торговли, съ весьма важными транзитными путями и прилегающими моремъ,—Украина имѣть всѣ шансы материального,

*) Достаточно напомнить, что въ послѣднее время Украина давала почти половину металла, добываемаго въ Россіи.

а затѣмъ и культурнаго развитія. Населеніе отличается большою физическою жизненностью, какъ показываетъ высокій процентъ прироста населенія и еще болѣе высокій процентъ рождаемости, обладаетъ большою экстенсивною энергию и ассимилирующею силу массы. На свѣжей памяти исторіи въ сравнительно недавнее время, безъ всякой сторонней помощи, стихійною силу самого населенія была возобновлена или заново создана украинская колонизація огромныхъ пространствъ восточной и южной Украины и продолжаютъ создаваться новыя украинскія колоніи (укажу, напр., на украинскую колонизацію Уссурійского края), между тѣмъ какъ совершенно расплылись въ украинскомъ элементѣ искусственно введенныя въ довольно значительномъ количествѣ поселенія Сербовъ и Болгаръ въ Новороссії *). Пущенное въ широкій оборотъ представление о врожденной неспособности украинскаго племени къ организаціи стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ фактами исторіи; что же касается дарованій, то съ этой стороны относительно народности, давшей Гоголя, Шевченка и безконечный рядъ болѣе или менѣе яркихъ талантовъ въ разныхъ сферахъ культуры, не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

При такихъ условіяхъ, занимая сплошную территорію, безъ чуждыхъ элементовъ, настолько значительныхъ, чтобы они могли нарушить национальное единство территоріи, украинская народность имѣть всѣ шансы для развитія выдающейся национальной культуры. Значительную чуждую примѣсь составляютъ Евреи, но созданію национальной культуры, конечно, они не представляютъ препятствія. Болѣе значенія могутъ имѣть Поляки, въ такъ называемыхъ юго-западныхъ губерніяхъ и соѣднемъ Побужжѣ состоящіе выше, привилегированные классы, весьма влия-

*) Къ сожалѣнію, официальная статистика Россіи въ послѣдніхъ десятилѣтіяхъ обыкновенно не выдѣляетъ украинскую народность въ особую категорію (говоря все о «русскомъ» племени), и это сильно затрудняетъ наблюденія надъ украинскою колонизаціею.

тельные при полномъ отсутствіи украинской интеллигенціи и обладающіе огромною экономическою силою въ видѣ сосредоточенного въ ихъ рукахъ землевладѣнія. Но ихъ исключительная сила и преобладаніе держатся главнымъ образомъ условіями старого режима Россіи, хотя послѣдній, по видимому, такъ горячо и ратоборствовалъ съ польскимъ элементомъ или воображалъ, что ратоборствуетъ.

Налетъ обруcenія, осѣвшиі на интеллигентныхъ классахъ и городской буржуазіи Украины, не разорвалъ ихъ связи съ народными массами. Даже наиболѣе обруссѣвшіе, наиболѣе офиціозные представители ея не перестаютъ обыкновенно считать себя „тоже Малороссами“. Національныя манифестаціи — вродѣ открытия памятника Котляревскаго въ Полтавѣ въ 1903 году или юбилейныхъ торжествъ послѣдующихъ годовъ — находили въ средѣ этой, по видимому, вполнѣ обруссѣвшей интеллигенціи живые и сочувственные отклики. То же самое нужно сказать о многочисленныхъ петиціяхъ, адресахъ, манифестаціяхъ послѣдняго года по вопросу о раскрѣпощеніи украинскаго слова. Если болѣе культурные классы находятся теперь подъ полнымъ вліяніемъ культуры великорусской, то это потому, что нѣть и не можетъ существовать въ нынѣшихъ условіяхъ культуры украинской. Украинскій театръ долго являлся почти единственнымъ проявленіемъ ея, и его широкая и устойчивая популярность, несмотря на бѣдность репертуара (о причинахъ которой ниже) и другія неблагопріятныя условія и живое сочувствіе къ нему въ этихъ интеллигентныхъ и буржуазныхъ сферахъ является весьма краснорѣчивымъ симптомомъ. мнѣ лично приходилось встрѣтить людей, вполнѣ, по видимому, оторвавшихся отъ украинской народности и мало сознательныхъ, которые въ дорогѣ дѣлали большой кругъ, чтобы заѣхать въ городъ, где можно было попасть хоть на одинъ спектакль „къ Малороссамъ“. Украинская книга пользуется весьма значительнымъ спросомъ — хотя все еще является полузастрѣтымъ плодомъ. Кобзарь Шевченка, сочиненія Котляревскаго расходятся въ

сотняхъ тысячъ. Разрѣшенная цензурою въ 1898 году хрестоматія избранныхъ украинскихъ писателей „Викъ“—нѣкоторый суррогатъ исторіи литературы—разошлась въ нѣсколько мѣсяцевъ, несмотря на довольно высокую цѣну и значительную величину выпуска (нѣсколько тысячъ). Когда въ началомъ 1906 г. появилась первая ежедневная газета на украинскомъ языкѣ, розничная продажа ея въ нѣкоторыхъ городахъ сразу достигла нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ (пока—очень скоро, впрочемъ—не послѣдовало запрещенія ея) и т. п.

Все сказанное даетъ миѣ право съ полнымъ убѣждѣніемъ говорить, что съ прекращеніемъ виѣшніхъ стѣсненій украинская народность несомнѣнно вступить въ стадію широкаго национального развитія, подготовленнаго уже культурными успѣхами украинской національности въ Галиції.

Всѣ стѣсненія, запрещенія, репрессіи, направленныя противъ украинства, не убиваютъ, а только тормозятъ и отерачиваютъ его развитіе, тормозя и задерживая вмѣстѣ съ тѣмъ свободное развитіе культурныхъ силъ тридцатимилліоннаго украинскаго населенія Россіи, съ огромнымъ ущербомъ для него, а съ тѣмъ, конечно, и для самого государства.

Отношеніе правительства Россіи къ украинской народности вообще было одною сплошною исторіей репрессій. Поставивъ своей цѣлью достиженіе виѣшняго единобразія вмѣсто внутренняго единодушія, по выраженію одного изъ современныхъ государственныхъ людей Россіи, оно съ энергию и послѣдовательностью, достойными лучшихъ цѣлей, стремилось къ тому, чтобы сгладить, вытравить историческія формы украинской жизни и національныя особенности, ослабить все, что выдѣлялось сравнительно съ жизнью великорусского народа и общимъ тономъ отношеній имперіи.

Сначала оно направляетъ свою энергию на уничтоженіе политической особности и автономіи Украины, мѣстныхъ формъ политическихъ и общественныхъ отношеній и осуществляетъ

эти намѣренія, не справляясь съ желаніями и стремленіями украинского общества и народа, не обращая вниманія на отчаянное сопротивленіе, глубокое неудовольствіе, не считаясь со своими обѣщаніями и обязательствами *). Затѣмъ оно стремится ввести ту же нивелляцію и въ культурную и въ духовную жизнь Украины, вытравить традиціи ея прошлой жизни и не только подчинить, но и вполнѣ ассимилировать ее великорусской культурѣ **). Языкъ—этотъ первый и самый важный показатель национальной особности,—обращаетъ на себя главное вниманіе политиковъ нивелляціи, и уже въ первой четверти XVIII в. правительство ставитъ требование, чтобы въ украинской литературѣ „никакой розни и особаго нарѣчія не было“ ***). Подавивъ, дѣйствительно, всякую литературу на мѣстномъ языкѣ цензурными репрессіями въ XVIII в., правительственная политика становится въ XIX в. на той точкѣ зрѣнія, что украинскаго языка „не было, нѣть и быть не можетъ“, какъ выразился въ своемъ циркулярѣ министръ Валуевъ, солидаризуясь съ жалкими измышеніями, что украинскій языкъ представляетъ собою лишь искаженіе русскаго языка, „испорченный русскій языкъ“, и т. п. ****).

*) Исторія этой политики дана въ XX главѣ „Очерка исторіи украинскаго народа“.

**) См. главу XXII того же „Очерка“.

***) См. стр.—392 „Очерка“ (по второму изданію).

****) Объ томъ циркулярѣ см. стр. 417—8 „Очерка“. Указывая на нежелательность украинскихъ книгъ для народа, министръ, со словъ кіевскаго цензурного комитета, ссылается па мнѣнія «большинства Малороссовъ», якобы высказанныя въ печати: «оанъ весьма основательно доказываютъ, что никакого малоруссійскаго языка не было, нѣть и быть не можетъ, и что нарѣчіе ихъ, употребляемое простонародьемъ, есть тотъ же русскій языкъ, только испорченный вліяніемъ на него Польши; что общерусскій также понятенъ для Малороссіанъ и даже гораздо понятнѣе, чѣмъ теперь сочиняемый для нихъ иѣкоторыми Малороссіанами и въ особенности Поляками такъ называемый украинскій языкъ; лиць того кружка, который усиливается доказывать противное, большинство самихъ Малороссовъ упрекаетъ въ сепаратистскихъ замыслахъ, враждебныхъ къ Россіи и гибельныхъ для Малороссіи». Нужно ли говорить, что это

Врожденное, совершенно естественное, стихийное стремление украинской народности къ проявлению своего национального одержания представляется правительствомъ, со словъ охранительной печати, какъ искусственно привитые посторонними влияниями, враждебные государству, подлежащие преслѣдованию и искоренению политические замыслы, результаты интриги польской, австрійской и Богъ знаетъ еще какой. „Сепаратизмъ“ становится страшнымъ крикомъ, вѣщающимъ всевозможныя бѣды, и подъ понятіе его подводятся самыя невинныя проявленія любви къ родному краю и народу, его языку и прошлому *). И, усердно создавая своими репрессіями всѣ новодѣла для неудовольствія, для „сепаратизма“, съ другой стороны во имя призрака этого сепаратизма лишали огромное украинское населеніе имперіи самыхъ элементарныхъ образовательныхъ средствъ, удовлетворенія первѣйшихъ потребностей духовной жизни человѣка—употребленія родного языка и творчества на немъ.

Невозможность осуществить въ дѣйствительности смертный приговоръ, произнесенный украинскому слову въ Россіи, однако же не могла не быть замѣчаема руководителями внутренней политики. Огромность насилия, которое должно было быть произведено для этой цѣли надъ десятками миллионовъ украинской народности, не могла не смущать ихъ, тѣмъ болѣе, что апокрифичность мнѣній „большинства Малороссовъ“, на которыхъ дѣлались ссылки въ подлежащихъ случаяхъ, не могла

большинство Малороссовъ въ дѣйствительности никѣмъ никогда не было опрошено и никогда не выражалось въ этомъ смыслѣ? Наборотъ, опросы и анкеты по этому вопросу, гдѣ они производились, такъ увидимъ еще, давали совершенно противоположные результаты.

*) Уже въ 1850-хъ гг. существовало распоряженіе, требовавшее что цензуры строжайшаго отношенія ко всему связанному съ украинскимъ языкомъ и народностью. «не давая перевѣса любви къ родинѣ надъ любовью къ отечеству», и цензура вычеркивала изъ историческихъ памятниковъ мѣста, въ которыхъ усматривала «причастіе къ малороссійской народности». Такъ было изувѣчено центрально въ 1853 г. изданіе лѣтописи Грабянки (Цензура въ царствованіе имп. Николая—Рус. Старина, 1904, II, с. 441—2).

быть для нихъ тайною. Стихійна привязанность українського населенія къ особенностямъ своєї жиці и своєму языку, сдѣлавшася общимъ мѣстомъ въ літературѣ, була ізвѣстна и имъ. Поэтому мы замѣчаемъ ізвѣстныя колебанія, характеристическую половинчатость въ осуществлениі правительственной программы по отношению къ українській народности. Она колеблется между принципами полного отрицанія українського языка и признанія українського языка и української народности въ качествѣ этнографического провинціализма, въ ізвѣстныхъ тѣсныхъ границахъ. Противъ стремлений Українцевъ къ созданию національной культуры въполномъ значеніи этого слова выдвигаются соображенія, что українськая народность можетъ оставаться въ чисто-этнографическихъ своихъ проявленіяхъ, что українскій языку можетъ оставаться въ сферѣ „домашнаго употребленія“, для потребностей людей, не усвоившихъ великорусского языка, но служить для удовлетворенія высшихъ культурныхъ потребностей, быть языкомъ интеллигентнаго класса, литературы, науки — долженъ только языкъ великорусский, или, какъ совершенно неосновательно его называютъ при этомъ, — языкъ общеrusскій *). Этими аргументами, которые съ голоса офиціозной печати иногда повторяются и разными „умѣренными“ людьми українского происхожденія, мотивировались и по нынѣшній день мотивируются остающіяся по большей части въ силѣ запрещенія научныхъ книгъ и научныхъ чтеній на українскомъ языку, переводной литературы и даже сцени-

*) На полную неосновательность этого ходячаго термина указала вполнѣ определено въ своей підавній запискѣ петербургская академія наукъ. «Нашу літературную рѣчъ, рѣчи образованныхъ классовъ и письменности всѣхъ родовъ, должно называть вполнѣ великорусскою», говоритъ она. «Основаній назвать теперь эту рѣчъ общеrusскою мы не видимъ, ибо она не представляетъ пзъ себя амальгамы, въ которой бы, хотя и неравномѣрно, отразились особенности всѣхъ живыхъ русскихъ нарѣчій». Императорская академія наукъ „Объ отмѣнѣ стѣсненій українскаго слова“, офиціальное изданіе (1905, стр. 15).

ческихъ и беллетристическихъ произведеній, гдѣ выводятся люди образованнаго класса, также воспрещеніе къ обращенію въ Россіи научныхъ и беллетристическихъ сочиненій, выходящихъ за границею (въ Галиції главнымъ образомъ).

Но, стремясь сохранить роль культурнаго языка исключительно за языкомъ великорусскимъ, эта национальная политика съ другой стороны не рѣшается разрѣшить украинскій языкъ къ свободному обращенію и въ средѣ „домашняго употребленія“, низшей, такъ сказать, культуры, допустить его въ начальную школу, въ церковную проповѣдь, въ популярную беллетристическую и научную литературу. Тутъ, очевидно, дѣйствуетъ сознаніе стихійной силы украинства и пугаетъ рѣшающія сферы: является соображеніе, что, пока украинская книжка обращается въ тѣсномъ кругу интеллигентіи, она не представляетъ ничего серьезнаго, но если она войдетъ въ крестьянскую среду, если послѣдня, воспитавшись на украинскомъ словѣ, найдетъ въ немъ свой органъ культурнаго развитія, то она со стихійною силою шагъ за шагомъ раздвинетъ всѣ границы, какія будутъ поставлены правительствомъ украинскому слову *). Представлялась страшная для централистической политики бирократіи перспектива культурнаго обослѣденія громаднаго народа, который въ офиціальныхъ сферахъ все еще упорно включается въ понятіе „русскаго“ и служитъ строительнымъ материаломъ для великорусской культуры и государственности. Эти соображенія заставляли преграждать украинскому слову пути „въ народъ“ такъ же старательно, какъ и въ сферу „высшей культуры“.

Но съ другой стороны и на полную проскрипцію украинскаго слова (которая собственно соотвѣтствовала ихъ планамъ) правительственные сферы не рѣшаются, боясь слишкомъ обострить вопросъ. Отсюда эта непослѣдовательность, полумѣры, единственная цѣль которыхъ—всически задерживать, во что бы то ни стало, развитіе украинской литературы

*) Эта мысль была развита особенно опредѣленно (изъ доступныхъ памъ документовъ) въ запискѣ генералъ-губернатора кн. Дондукова-Корсакова.

и національности, не давать ей вийти изъ стадії прозябанія. Такой смыслъ имѣть эта неопределённость цензурной и административной практики, гдѣ никогда не знаютъ напередъ, что будетъ дозволено и что запрещено, эта система „исключений“ и передышекъ между обостреніями запретительныхъ мѣръ и рядомъ съ ними негласныя преслѣдованія всего и всѣхъ, что заявляетъ чѣмъ нибудь свое сочувствіе къ украинству. Эти средства дѣйствительно оказываютъ свое вліяніе, задерживая до нѣкоторой степени развитіе украинства, но одновременно приводятъ къ обострѣнію отношеній, а съ другой стороны чрезвычайно тяжело отзываются на культурномъ и экономическомъ положеніи народныхъ массъ, лишенныхъ всякихъ средствъ развитія, благодаря запрещеніямъ, лежащимъ на украинскомъ словѣ.

Циркуляръ 1863 г. и подтверждавшій и развившій его указъ 1876 г. преграждали дорогу украинскому слову въ сферу и высшей и низшей культуры *); смягченные затѣмъ нѣсколько распоряженіемъ 1881 г., они допускали ее въ

*) „Очеркъ“, гл. XXIII. Такъ какъ помянутый указъ 1876 г. не утратилъ дѣйствующей силы до сихъ поръ, небезынтересно будеъ приести его цѣлкомъ.

„Государь Императоръ 18 испнувшаго мая Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ:

1. Не допускать ввоза въ предѣлы Имперіи безъ особаго разрешенія главнаго управлѣнія по дѣламъ печати какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ на малороссійскомъ нарѣчіи.

2. Печатаніе и изданіе въ Имперіи оригиналныхъ произведеній и переводовъ на томъ же нарѣчіи воспрепрѣтить, за исключеніемъ лишь:
а) историческихъ документовъ и памятниковъ,
б) произведеній плащаой словесности.

Но съ тѣмъ, чтобы при печатанії историческихъ памятниковъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ же плащаой словесности не было допускаемо никакихъ отступлений отъ общепринятаго русскаго правописанія и чтобы разрешеніе на печатаніе произведеній русской словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи въ главномъ управлѣніи по дѣламъ печати,—и

3. Въспрѣтить различныя сценическія представленія и чтенія на малорусскомъ языке, а равно и печатаніе на таковомъ же текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ.“

сферѣ беллетристики и сценическихъ представлений, т. е. въ сферѣ, считавшейся наименѣе серьезной и опасной, по и здѣсь къ ней примѣнялся рядъ ограниченій, исключавшихъ ее изъ общихъ цензурныхъ нормъ и требовавшихъ по отношенію къ украинскимъ пьесамъ и произведеніямъ печати особой строгости, вплоть до предложенія цензурѣ „сокращать въ цѣляхъ чисто государственныхъ“ число украинскихъ произведеній даже независимо отъ ихъ содержанія *). По отношенію къ украинскимъ произведеніямъ введена была двойная цензура—кромѣ цензурныхъ комитетовъ еще вторичная цензура въ главномъ управлении по дѣламъ печати, а цензурная практика развивалась въ направленіяхъ, указанныхъ упомянутыми распоряженіями: не дать возможности развиться украинскому языку до степени органа высшей культуры, всячески сузить сферу его существованія и свести до минимума вообще количество украинскихъ книгъ.

Въ духѣ этихъ тенденцій протекали періоды совершенного воспрещенія украинского слова, довольно продолжительные, длившіеся по нѣсколько лѣтъ, когда не пропускалось вовсе ничего на украинскомъ языке, или почти ничего—такъ наз. антракты украинского слова, въ 1864—1870 и 1876—1880 гг. Затѣмъ снявъ безусловное воспрещеніе, цензурная практика въ 1880—90 гг. обставляла украинскія произведенія, даже и беллетристическая, рядомъ ограниченій.

Запрещались произведенія изъ жизни интеллигенціи и театральная пьесы такъ наз. сюртучныя, гдѣ выступали представители интеллигенціи: этимъ имѣли въ виду задержать украинскій языкъ въ положеніи полу-этнографического явленія, рисующаго быть лишь простого народа, а не культурнаго органа. Такой же характеръ имѣло гоненіе

*) Предложеніе петербургскому цензурному комитету 1892 г. Ср. циркуляр начальника губерніи 1884 г., внушившій имъ бдительное наблюденіе и всяческую осторожность при разрешеніи украинскихъ спектаклей Записка академіи наукъ.

на „неологизмы“, нарушающие, дескать, чистоту народного языка и вводящие новые, культурные понятия въ языкъ: цензура по этимъ филологическимъ соображеніямъ также запрещала украинскія произведенія. Въ 1895 г. главное управление по дѣламъ печати предложило цензурнымъ комитетамъ не дозволить къ печати книги и сборниковъ на украинскомъ языкѣ, предназначенныхъ для дѣтского чтенія, „хотя бы по существу содержанія они и представлялись благонамѣренными“ *).

Запрещались пьесы и произведенія печати съ соціальною подкладкою, сочиненія съ содержаніемъ національно-патріотическимъ и историческимъ. Цензура вычеркивала даже такія слова, какъ: Україна, Січ, козакъ, или запрещала произведенія, говорившія о такихъ сюжетахъ. Долго не пропускались сборники и альманахи, составлявшіеся какъ суррогатъ украинского журнала: цензура не хотѣла допускать этого суррогата, въ виду того, что изданіе газетъ и журналовъ на украинскомъ языкѣ не допускалось (о нихъ законъ 1876 г., положимъ, ничего не говорилъ, но на практикѣ исходили изъ того же принципа: не допустить украинского языка до отченія культурнаго органа). Не пропускались переводы беллетристическихъ произведеній и стихотвореній съ другихъ языковъ на украинской.

Наконецъ не пропускались болѣе значительныя произведенія, просто потому, что они уже по своимъ размѣрамъ являлись бы слишкомъ виднымъ приобрѣтеніемъ для осужденной „на небытіе“ украинской литературы.

Благодаря изобрѣтательности цензуры въ усматриваніи „малѣйшихъ поводовъ“ къ запрещенію—то усиливавшейся, то ослабѣвавшей соответственно указаніямъ свыше, цензура для украинскихъ книгъ временами становилась настоящею лотереею: одно и то же произведеніе въ одномъ случаѣ запрещалось, въ другомъ—предложенное снова, юдь другимъ

*) См. Записку академіи наукъ, с. 88.

заглавіємъ—разрѣшалось, и наоборотъ—произведенія, уже разрѣшеннія, запрещались для новаго изданія. Но въ общемъ только небольшая часть произведеній проходила черезъ цензуру, и то сильно изувѣченою, часто—такъ сильно, что не оставалось возможности издать такое разрѣшенное произведеніе. Такъ, напр., изъ 230 рукописей, поданныхъ въ цензуру украинскимъ издательскимъ кружкомъ въ Кіевѣ въ 1895—1904 гг., т. е. годахъ, далеко не худшихъ въ цензурномъ отношеніи, только 80 вышли изъ цензуры въ настолько благополучномъ видѣ, что ихъ, хотя и съ изъянами, еще можно было предать тисненію. А вѣдь кіевское книгоиздательство, конечно, воздерживалось отъ напрасныхъ тратъ на подачу въ цензуру завѣдомо „безнадежныхъ“ произведеній, и упомянутые годы, повторяю, принадлежали къ сравнительно либеральному въ отношеніи украинской цензуры.

При этомъ нужно еще имѣть въ виду, что въ цензурѣ погибали обыкновенно наиболѣе серьезныя и цѣнныя произведенія, затрагивавшія и освѣщавшія наиболѣе важные вопросы украинской жизни. Между тѣмъ разный литературный и нелитературный соръ пропускался свободно, какъ бы намѣренno, чтобы понизить культурную цѣнность украинской литературы и дискредитировать ее въ глазахъ интеллигенціи—своей и чужой.

Специальную сферу для всякаго рода стѣсненій и отягощений создавалъ параграфъ закона 1876 г., постановлявшій, что въ украинскихъ произведеніяхъ „не должно быть допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія“. Этимъ запрещено было принятое въ украинской литературѣ правописаніе, нѣсколько отличавшееся отъ великорусскаго, и украинскіе писатели съ тѣхъ поръ принуждены были придерживаться правописанія „общерусскаго“, т. е. великорусскаго. Но такъ какъ само по себѣ требование—придерживаться въ произведеніяхъ, писанныхъ на одномъ языкѣ, правописанія другого языка является не только съ научной, филологической, но и съ чисто-практической точки зрѣнія совершенно неисполнимымъ абсур-

домъ *), то не только авторы, но и сами цензоры, конечно, не могли себѣ уяснить, какъ собственно должно выглядѣть украинское слово въ оболочкѣ великорусского правописанія. Поэтому употребительное примѣчаніе, присоединявшеся къ резолюціямъ о разрѣшении книги: „дозволяется къ печати, съ тѣмъ чтобы при печатанії были соблюдены правила русскаго правописанія“, какъ требованіе неисполнимое, давало цензору возможность не выпустить въ свѣтъ даже книги, дозволенной уже цензурою.

Съ цензурными препятствіями встрѣчался — уже безъ всякаго основанія въ законѣ 1876 г.—также и выпускъ всякихъ рода изданій, посвященныхъ Украинѣ, на языкѣ великорусскомъ. И здѣсь исключались украинскія выраженія, диалоги, и къ самому содержанію — къ историческимъображеніямъ и къ сужденіямъ о современныхъ отношеніяхъ, прилагались весьма придирчивыя требованія. Для характеристики можетъ послужить такой фактъ: въ 1887 г. „Опытъ грамматики малорусскаго языка“ одного изъ кievскихъ ученихъ былъ возвращенъ цензурою автору даже безъ просмотра, на томъ основаніи, что „нельзя же разрѣшать къ

*) Позволю себѣ привести взглядъ по этому вопросу, выраженный въ запискѣ петербургской академіи наукъ—т. е. лицами, достаточно авторитетными и свободными отъ всякаго «украинофильского увлечения». «Навязываніе языку несвойственного ему правописанія самимъ невыгоднымъ образомъ отзываются на книжной производительности; такое правописаніе задерживаетъ выходъ книги и ложится поэтому на свободную мысль, свободное творчество болѣе тяжелымъ гнетомъ, чѣмъ всякая цензурная стѣсненія. Мы далеки отъ мысли приписывать составителямъ проекта высочайшаго повелѣнія 1876 года жестокое желаніе посредствомъ узаконенія имъ правописанія задержать развитіе даже изящной словесности малорусской (ибо задержать «вредныя направлениа». въ относящихся сюда произведеніяхъ предположено правиломъ о томъ, «чтобы разрѣшение на печатаніе произведенія изящной словесности давалось не иначе какъ по разсмотрѣніи рукописей въ главномъ управлѣніи по дѣламъ печати»); по этому самому мы склонны думать, что ими руководила мысль сблизить посредствомъ правописанія малорусскій языкъ съ русскимъ. Странное заблужденіе. Прежде всего, что раз-

печати грамматику того языка, который обречень на не- бытіє“.

Этотъ отвѣтъ одного изъ исполнителей правительствен- ной программы вскрываетъ передъ нами съ полною опре- дѣленностью руководящую идею ея въ отношеніи къ украинскому языку и вообще украинству. Украинскій языкъ былъ „обречень на небытіе“, украинская народность—на вымирание въ качествѣ народности и на пріобщеніе къ народности великорусской путемъ школы и культуры. Но эта программа въ приложениі къ такой большой и ста- рой народности, какъ украинская, является неосуществимою даже для наиболѣе налаженнаго и энергичнаго государствен- наго механизма. Репрессіи, пущенные въ ходъ по отношенію къ украинскому слову въ Россіи, имѣли результатомъ лишь перенесеніе центра тяжести украинской національной работы въ сосѣднюю Галицію, и здѣсь, вѣдь всякой необходимости со- образоваться съ видами и теченіями правительственной политики, въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій работала украинская національная мысль надъ разработкою тѣхъ со- ціальныхъ, политическихъ и національныхъ проблемъ, которыя

умѣть подъ требованіемъ придерживаться общепринятаго русскаго правописанія? Если понимать требование закона 1876 года такъ, что, напр., малорусскія слова: віра, лід, місто—должны явиться въ великорусской оболочкѣ: вѣра, лѣдъ, мѣсто, т. е. чтобы звукъ *i* изображался буквой *и*, спрашивается, что помѣшаетъ Малороссу изображать черезъ букву *и* звукъ *i* также, напр., въ словахъ: лід или віс?—и ихъ онъ напишетъ лѣдъ, иѣсъ. Выиграетъ ли отъ этого дѣло сближенія съ великорусскимъ языкомъ, гдѣ эти слова звучать лѣдъ, вѣсъ? Если, вслѣдствіе павязаннаго ему правописанія, Малороссъ долженъ написать мыло съ *и*, а мило съ *и*, гдѣ найдется толь корректоръ, тотъ ученый справщикъ, который въ малорусскомъ звукѣ сумѣеть для каждого случая различить два разныхъ звука, совпавшихъ въ одномъ едва ли еще не въ эпоху до-татарскую? И объ этомъ смѣшевіи *и* и *и* громко будутъ свидѣтельствовать прежде всего тѣ историческіе малорусскіе документы, при печатаніи которыхъ законъ требуетъ «безусловно» удерживать правописаніе под- линниковъ, не подновляя его, очевидно, и въ направленіи къ обще- принятому русскому правописанію» (с. 24).

сдѣлались запретными для нея въ Россіи, надъ созданіемъ тѣхъ орудій вышер и низшей національной культуры, которая хотѣла сдѣлать недоступными для украинства упомянутая политика *). Безпощадная война, объявленная украинству правительственныеми сферами Россіи и не оставлявшая мѣста никакимъ компромиссамъ, никакому оппортунизму, имѣла лишь тотъ результатъ, что руководящія идеи украинства вырабатывались въ рѣзкой оппозиціи бюрократическому абсолютистически-централістическому старому режиму Россіи.

Единственно, чтѣ этотъ режимъ могъ противопоставить такому обороту вещей, были опять таки запретительныя мѣры по отношенію ко всякаго рода украинскимъ изданіямъ, выходившимъ въ Галиції, и онъ дѣйствительно дѣлалъ очень энергической усилія въ этомъ направлениі. Не только публицистическимъ произведеніямъ, политическимъ газетамъ, но и беллетристикѣ, сочиненіямъ научнымъ, даже— сборникамъ историческихъ документовъ и этнографическихъ текстовъ, только потому, что они имѣютъ украинскую обертку,—закрыть доступъ въ Россію. Ученыя изданія Наукового Товариства ім. Шевченка, его сборники историческихъ, филологическихъ, естественно-историческихъ и математическихъ работъ до самаго недавняго времени принадлежали къ числу „безусловно воспрещенныхъ въ Россіи“ **). Ходатайство редакціи дѣтскаго журнала „Дзвінокъ“ о допущеніи въ Россію было въ свое время отклонено „по политическимъ причинамъ“, а популярныя брошюры галицкой печати о разведеніи домашней птицы или удобреніи почвы, обнаруженныя при случаѣ у россійско-подданныхъ лицъ, еще не такъ давно подводились подъ весьма серьезные параграфы о держаніи запрещенныхъ сочиненій.

*) Объ этомъ въ гл. XXIV „Очерка“.

**) «Записки Наукового товариства ім. Шевченка» въ качествѣ журнала получили доступъ въ Россію согласно послѣднимъ правиламъ о допущеніи заграничныхъ періодическихъ изданій, но неперіодическая галицкая изданія, научныя и литературныя, остаются воспрещенными.

Но всѣ эти запретительныя и карательныя мѣры только отчасти могли достигать своей цѣли. Несмотря на всѣ мѣры предупрежденія и пресѣченія, заграничныя изданія въ Россію, конечно, проникали. Идеи, двигавшія національнымъ движениемъ Галиціи, не нуждаясь въ пропускномъ билетѣ и не подпадая таможенному досмотру, распространялись въ украинскомъ обществѣ Россіи, уяснявшемъ свои жизненныя задачи параллельно съ національнымъ движениемъ австрійской Украины...

Но, не достигая своей цѣли—воспрепятствовать развитію украинского языка, какъ языка культурнаго, а украинской народности помышшать въ ея національному самоопределѣніи,— эти запретительныя и карательныя мѣры причинили неопытный вредъ украинской народности вообще, а въ частности—украинскому населенію Россіи. „Конечно, работа хотя бы и для небольшого уголка родной земли, какимъ являются Галиція и Буковина, даетъ нѣкоторое нравственное удовлетвореніе украинскимъ дѣятелямъ; но оно ничтожно по сравненію съ тѣмъ чувствомъ невыразимой боли, которое охватываетъ ихъ при взглядѣ на положеніе родного народа здѣсь дома. Они видѣли, что народъ лишенъ единственно возможнаго для него средства просвѣщенія—школы и книги на родномъ языкѣ; они были свидѣтелями того безпощаднаго процесса, который все болѣе и болѣе погружалъ населеніе родной страны въ безпросвѣтный мракъ невѣжества. Духовные творческія силы народа замирали; падала его культура, онъ являлся безсильнымъ въ борьбѣ съ неблагопріятными соціальными и экономическими условіями, доводившими его положеніе до полной безысходности. Все это совершалось на глазахъ украинскихъ дѣятелей, но руки ихъ были связаны, уста нагло закрыты; у нихъ отнято было право и возможность научить народъ родной грамотѣ, разъяснить ему его положеніе, указать ему пути къ дальнѣйшему развитію. Оставаясь физически на родинѣ, прикованные къ ней всѣми своими чувствами, помыслами и интересами, они духовно были изгнаны изъ нея и должны были жить среди родного

народа безправными изгнаниками, нѣмыми свидѣтелями совершающагося“...

Эти слова недавней записки „О нуждахъ украинской печати“ *) характеризуютъ положеніе украинского общества очень хорошо. Ни сведенная цензурными запрещеніями до ничтожнѣйшихъ размѣровъ, до жалкихъ обрѣзковъ украинская литература Россіи, ни заграничная, только контрабандой проникавшая въ Россію, конечно, не могли удовлетворять культурнымъ запросамъ многомилліоннаго украинскаго населенія Россіи. Сорокъ лѣтъ, отдѣляющихъ нась отъ первого запрещенія украинскаго слова въ Россіи—1863 г., вычеркнуто этими запрещеніями изъ жизни украинской народности, и какихъ лѣтъ! лучшаго периода—пробужденной общественной мысли, національного возрожденія, исканія новыхъ формъ общественныхъ и культурныхъ отношеній! Легко произнести эти сорокъ лѣтъ, но ужасъ обнимаетъ душу, когда вдумаешься во всю величость и невознаградимость ущерба, причиненнаго народу. Поколѣнія людей рождались и умирали съ печатью на устахъ, лишенныя возможности пользоваться даромъ, отличающимъ человѣка отъ животнаго—своимъ словомъ, своей природной рѣчью, т. е. единственнымъ точнымъ и свободнымъ орудиемъ выраженія своей мысли, въ переводѣ на чужой языкъ являющейся только болѣе или менѣе отдаленною копіею мысли дѣйствительной. Жили и умирали, лишенныя возможности того несравненнаго удовольствія внутренняго общенія и проникновенія въ мысли своихъ соотчій, которое даетъ только родной языкъ; лишенныя возможности творить на своемъ языке; лишенныя, наконецъ, возможности, обсуждать наиболѣе жизненные вопросы своего края и общества, двигать его къ разрѣшенію этихъ вопросовъ и содѣйствовать улучшенію культурныхъ и общественныхъ отношеній въ наиболѣе близкой имъ средѣ.

„Слова истины, красоты и любви должны выливаться истинно и потому свободно: только при этомъ условіи

*) Перепечатана въ «Кievской Старинѣ» 1905, IV, с. 105.

заставилъ меня сдѣлаться беллетристомъ. Подвергнувъ себя такой ломкѣ, я все же не получилъ удовлетворенія служить тому, кому я могъ и хотѣлъ служить моимъ литературнымъ трудомъ. Ни одна изъ моихъ повѣстей не была допущена цензурою, хотя въ нихъ и не было ничего противозаконнаго. Я вынужденъ былъ издать ихъ въ Галиціи, ограничивая кругъ моихъ читателей до $\frac{1}{5}$ его естественнаго размѣра. Къ тому же этотъ искусственно сжатый кругъ ихъ живеть уже въ другой средѣ и обстановкѣ, чѣмъ тѣ, которыя мною описаны. Для нихъ содержаніе моихъ повѣстей не можетъ быть уже такъ близко, какъ было бы оно близко моимъ соотечественникамъ, живущимъ въ Россіи” *).

Такъ пишетъ представитель высшихъ, обрусьшихъ классовъ украинскаго общества, прошедший великорусскую школу—оть низшей до высшей, и не находящій приложенія для своихъ общественныхъ и національныхъ стремленій при современномъ положеніи украинства въ Россіи. Подъ его словами подписался бы и я—также прошедший великорусскую школу, написавшій по-великорусски нѣсколько довольно объемистыхъ книгъ, но и до сихъ поръ принужденный напрягать до крайности свои мыслительныя способности, чтобы выразить сколько нибудь точно и правильно свою мысль, когда обстоятельства заставляютъ меня писать по-великорусски. Подписалось бы, вѣроятно, много и много другихъ,—тѣхъ, которые переносили свою дѣятельность за границу или и вовсе уходили изъ Россіи, чтобы сохранить свободу мысли и слова, возможность работать безъ стѣсненій для своей національности; и тѣ, которые обращались къ великорусскому языку, за невозможностью пользоваться своимъ роднымъ; и тѣ, которые замолкали вовсе, встрѣтившись съ цензурными запрещеніями, или годами, всею жизнь писали лишь „для себя“, „для своихъ дѣтей“, лишенные надежды увидѣть свои произведенія въ печати, подѣлиться своими мыслями, своимъ творчествомъ съ соотчичами.

*) Письмо В. Н. Леонтовича—напечатано при Запискѣ академіи наукъ (с. 84).

они будуть способны разбудить въ читателѣ тѣ чувства и мысли, какими былъ охваченъ самъ писатель. И это невѣрно, будто въ школѣ могутъ дать человѣку другой родной языкъ. Школа можетъ вытравить въ человѣка знаніе его родного языка, но никогда языкъ школы не сдѣлается для него такъ близокъ, какъ былъ близокъ утраченный. Никогда мысль такого человѣка не выльется у него такъ легко, такъ красиво и искренно на школьномъ, выученномъ языкѣ“... „Огромное большинство самыхъ яркихъ впечатлѣній дѣтства и юности запечатлѣлись въ моемъ мозгу въ малорусскихъ образахъ, съ малорусскою рѣчью; по всему этому я и теперь, когда хочу и могу сказать что либо достойное того, чтобы рѣшиться предложить его читателю, не могу сдѣлать этого иначе, какъ малорусскою рѣчью. Мнѣ омерзительно было бы сводить свою роль, какъ писателя, на роль болтуна, зарабатывающаго деньги мертвеннымъ пустословiemъ, и вотъ почему я не могу писать по-русски. По-русски у меня все выходитъ мертвенно, блѣдно, несодержательно, даже неграмотно. Сознаніе это гнететъ меня, я чувствую, что я не вправѣ злоупотреблять вниманіемъ читателя и не вправѣ замусоривать своею неправильною русскою рѣчью богатый и выработанный русской литературный языкъ! Къ тому же всѣ мои воспоминанія, весь мой опытъ сложились, главнымъ образомъ, среди Малороссовъ. Я знаю, чего имъ недостаетъ, знаю, чего они не знаютъ, что и какъ имъ нужно сказать; я знаю, что здѣсь, и только здѣсь, мое слово и нужно, и, можетъ быть, полезно! За что же отыматъ у меня величайшее на землѣ счастье работою своего ума и сердца служить моему ближнему? За что же и у Малоросса читателя отнимать возможность узнать отъ меня то, что я могу сказать ему?!”

„На себѣ, какъ на частномъ примѣрѣ, который, конечно, можетъ дать только частичное отраженіе изображаемаго явленія, я приведу образецъ того, что дѣлаетъ законъ 1876 года съ развитиемъ способностей писателя. По природѣ я не беллетристъ, но законъ, отыная у меня право писать что бы то ни было серьезнаго содержанія на моемъ языкѣ,

Ни одна, въроятно, литература не имѣетъ такого мартыролога талантливыхъ беллетристовъ, поэтовъ, писавшихъ безъ возможности увидѣть свои произведенія въ печати или безъ возможности получить свои сочиненія, изданныя въ заграничныхъ, „абсолютно воспрещенныхъ изданіяхъ“. Одни такъ и прожили всю свою жизнь безъ возможности издавать свои произведенія (талантливые поэты Руданський, Мова, беллетристъ Свидницький и многіе другіе), другіе замолкали вовсе на цѣлые года цензурныхъ гоненій и возвращались къ творчеству только при нѣкоторыхъ облегченіяхъ цензуры (какъ талантливые поэты Глібів и Щоголів).

Но въ то время, какъ одни переносили свою дѣятельность за границу, другіе замолкали вовсе или, идя „въ сторону наименьшаго сопротивленія“, подавляли свои общественные интересы и обращались къ „безобиднымъ“ занятіямъ лингвистикою, археологію, нумизматикою, археографію и т.п.,— значительная часть украинского общества, находя прегражденными всѣ пути къ дѣятельности на пользу своего народа, бросались въ борьбу съ режимомъ, создававшимъ эти трудности. Они охладѣвали къ национальному вопросу, считая въ данныхъ условіяхъ украинофильство дѣтскою забавою, а всѣ попытки легальной дѣятельности—пародію дѣятельности, и становились въ первые ряды движений, стремившихся разрушить самый государственный строй, создававшій тѣ отношенія, которыя ихъ окружали. Нужно ли напоминать безконечные ряды украинскихъ имёнъ, нашедшихъ свое мѣсто въ революціонныхъ и террористическихъ движеніяхъ, начиная съ 1860-хъ годовъ и кончая вчерашнимъ днемъ? Нужно ли перечислять людей, игравшихъ первыя роли въ этихъ движеніяхъ? Сила, у которой отнимаютъ возможность быть созидателью, неизбѣжно превратится въ разрушительную. Ибо сила не погибаетъ...

Борьба съ украинскимъ языкомъ не ограничивалась сферою печатнаго слова или сценическихъ представлений. Онъ стѣснялся и даже преслѣдовался въ устномъ употребленіи. Разговора по-украински въ общественномъ мѣстѣ бывало

достаточно, чтобы навлечь серьезные неприятности на человека, испортить ему жизнь ярлыкомъ „сепаратиста“, и т. п. Всякие намеки на национальную манифестацию обставлялись строжайшими воспрещениями. Украинский театръ на многие годы потерялъ доступъ въ предѣлы кievskаго генераль-губернаторства (къ которому кроме губерній: Киевской, Подольской и Волынской принадлежали тогда также губерніи Черниговская и Полтавская), благодаря совершенно невинной овации, устроенной молодежью артистамъ украинской труппы. Въ Киевѣ долгое время нельзя было устроить публичной панихиды въ годовщину смерти Шевченка и помѣстить о ней извѣщеніе въ газетахъ. Когда на археологической съездѣ 1899 г., происходившій въ Киевѣ, предложили свои рефераты по разнымъ вопросамъ археологии и истории также украинские ученые изъ Галиціи, и предварительный комитетъ, допустивъ рефераты на всѣхъ славянскихъ языкахъ, призналъ возможнымъ допустить чтеніе рефератовъ и на украинскомъ языке, то министерство внутреннихъ дѣлъ воспротивилось этому и запретило чтеніе рефератовъ, писанныхъ на украинскомъ языке. Хотя въ послѣднюю минуту министерство народного просвѣщенія нѣсколько смягчило это запрещеніе, разрѣшивъ чтеніе украинскихъ рефератовъ не въ публичныхъ, а закрытыхъ засѣданіяхъ, въ присутствіи не болѣе 25 членовъ съезда, но, конечно, въ такихъ условіяхъ галицкіе ученые не нашли возможнымъ читать свои рефераты *). Четыре года спустя, при открытии въ Полтавѣ памятника родоначальнику возрожденной украинской литературы, Ивану Котляревскому, въ торжественномъ засѣданіи, устроенному городскою думою, губернаторъ, придерживаясь полученныхъ инструкцій, не разрѣшилъ читать привѣтственныхъ адресовъ на украинскомъ

*.) На послѣдующіе археологические съезды—въ Харьковѣ (1902) и Екатеринославѣ (1905), посвященные также главнымъ образомъ украинской археологіи, исторіи и этнографіи, украинскимъ ученымъ и обществамъ Галиціи вовсе не посыпались приглашенія, чтобы не возбуждать вопроса объ украинскомъ языке рефератовъ.

языкъ и произносить рѣчи на этомъ языке, за исключениемъ делегатовъ изъ Галичны; это имѣло слѣдствиѳ сепацію всѣхъ прочихъ делегаций и протесты городского управления, и т. п.

Въ Галиціи и Буковинѣ украинскій языкъ употребляется, какъ языкъ преподаванія во всякаго рода учебныхъ заведеніяхъ, отъ начальныхъ школъ до университетовъ; въ Россіи онъ изгнанъ изъ школы совершенно и не допускается ни какъ преподавательской языкъ, ни какъ предметъ преподаванія ни въ какихъ школахъ—государственныхъ, общественныхъ, частныхъ, высшихъ, среднихъ, низшихъ—даже какъ вспомогательное средство при начальномъ обученіи. Украинскій языкъ и литература не входятъ также и въ программу преподаванія „руссаго языка и литературы“ среднихъ школъ, въ курсы этихъ предметовъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, хотя украинскій языкъ официально считается „нарѣчіемъ русскаго языка“, а украинская литература—провинціализмомъ „общерусской“. На этомъ основаніи она не включается также и въ курсы славянскихъ языковъ и славянскихъ литературъ. Такимъ образомъ, не допускаемая ни въ качествѣ самостоятельныхъ предметовъ, ни въ качествѣ составныхъ частей другихъ наукъ, украинскія дисциплины остаются въ концѣ концовъ виѣ научнаго обихода, виѣ изученія и изслѣдованія*). И съ этой стороны

*.) Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ однѣ изъ выдающихся представителей тогдашней великорусской науки М. П. Погодинъ, разсуждая объ украинскомъ языке и чувствуя всю недостаточность своихъ свѣдѣній по этому вопросу, писалъ: «Малороссійскаго нарѣчія до сихъ поръ, къ стыду своему, мы основательно не знаемъ, хотя и имѣемъ профессоровъ для всѣхъ славянскихъ нарѣчій» (Изслѣдованія, VII, стр. 426). Но, какъ говорить пословица: «стыдъ не дымъ—глазъ не выѣсть». За эти пятьдесятъ лѣтъ официальная школа ровно ничего не сдѣлала для изученія украинскаго языка и вообще украинскихъ дисциплинъ. А хотя независимо отъ нея ихъ изученіе сдѣло за это время большиѳ успѣхи,—кардиналы вопросы, касающіеся Украины, и по сіе времена въ высшихъ сферахъ сплошь да рядомъ решаются аргументами, обнаруживающими отсутствіе всякихъ свѣдѣній о дѣйствительномъ положеніи вопроса.

сдѣлано все для того, чтобы украинскій языкъ, культурный органъ одной изъ значительнѣйшихъ народностей Европы, и украинская литература, обладающая крупными произведеніями высокой культурной цѣнности,—оставались неизвестными, *terra incognita* по возможности для самихъ Украинцевъ и для образованнаго общества Россіи, не выходя за предѣлы „домашняго обихода“, не достигая значенія культурныхъ орудій.

Еще больший ущербъ, чѣмъ представителямъ высшихъ, интеллигентныхъ классовъ, причиняетъ это преслѣдованіе украинскаго языка народнымъ украинскимъ массамъ—огромный, неопѣнимый, невознаградимый вредъ ихъ культурному развитію и экономическому благосостоянію. Нынѣшнее жалкое экономическое состояніе украинскаго народа, населяющаго богатѣйшія области Россіи и терпящаго хроническую нужду и даже голодъ на своей благословленной землѣ, не будучи въ состояніи всѣдствіе бѣдности, непросвѣщенности и вытекающей изъ нея инертности перейти отъ старыхъ способовъ хозяйства къ болѣе раціональнымъ и интенсивнымъ,—страшно страдающаго отъ малоземелья при избыткѣ земли и единственное спасеніе ищущаго въ эмиграції, совершающей такими варварскими способами, что она сопровождается почти полнымъ разореніемъ и поголовнымъ вымираниемъ всѣхъ менѣе закаленныхъ особей; страшная безпросвѣтная темнота, отсутствіе общественнаго сознанія, элементарного гражданскаго воспитанія у этой по природѣ чрезвычайно интеллигентной и богато одаренной народности, дѣлающія возможными такія дикія и некультурныя движенія, какъ еврейскіе погромы, холерные буиты, избіенія интеллигенціи; чрезвычайная отсталость на поприщѣ духовной и материальной культуры, почти не подвижувшейся здѣсь въ теченіе XIX в., ознаменовавшагося такимъ колоссальнымъ прогрессомъ другихъ народностей,—все это въ значительной мѣрѣ является результатомъ той системы оглушенія, къ которой въ конечныхъ результатахъ сводится программа подавленія украинской національности.

Народная школа въ Россіи стоить вообще не высоко, да-

леко не обслуживая всего количества дѣтей въ школьномъ возрастѣ и при своемъ короткомъ курсѣ сообщая своимъ ученикамъ весьма небольшой культурный запасъ. Въ украинскихъ же губерніяхъ школа даетъ народу такъ мало, что трудно себѣ и представить. Благодаря тому, что преподаваніе отъ начала до конца идетъ на великорусскомъ языкѣ, школа становится только мѣстомъ мученія дѣтей, уродующаго дѣтскія души и не дающаго взамѣнъ почти ничего положительнаго. Это вполнѣ опредѣленно констатировалъ на канунѣ валуевскаго запрещенія одинъ изъ самыхъ выдающихся педагоговъ Россіи, К. Д. Ушинскій.

„Мало успѣха будетъ имѣть та школа,—пишетъ онъ,—въ которую дитя переходитъ изъ дома, какъ изъ раю въ адъ, и изъ которой оно бѣжитъ домой, какъ изъ темнаго ада, въ которомъ все темно, чуждо и непонятно, въ свѣтлый рай, где все ясно понятно, и близко сердцу; а почти такое впечатлѣніе должна производить школа на дитя Малороссійина, когда оно начинаетъ посѣщать это странное мѣсто, въ которомъ одномъ только въ цѣломъ селѣ и говорять на непонятномъ языкѣ. Дитя, не слышавшее дома ни одного великорусского слова, начинаютъ въ школѣ съ первого же дня ломать на великорусскій ладъ, и добро бы еще на чисто-великорусскій, а то на тотъ отвратительный жаргонъ, который вырабатывается у малообразованнаго Малоросса при стараніи говорить по-великорусски. Такая школа съ первого же дня и весьма не-ласково напомнитъ ребенку, что онъ не дома, и, безъ сомнѣнія, покажется ему букою. Если такая школа не пустить корней въ народную жизнь и не принесеть для нея полезныхъ плодовъ, то чому же здѣсь удивляться? Иначе и быть не можетъ. Такая школа, во-первыхъ, гораздо ниже народа: что же значить она съ своею сотнею плохо заученныхъ словъ передъ тою безконечно - глубокою, живою и полною рѣчью, которую выработалъ и выстрадалъ себѣ народъ въ продолженіе тысячелѣтія; во-вторыхъ, такая школа беспыльна, потому что она не строитъ развитія дитяти на единственной плодотворной душевной почвѣ — на народной

рѣчи и на отразившемся въ ней народиомъ чувствѣ; въ третьихъ, наконецъ, такая школа бесполезна: ребенокъ не только входитъ въ нее изъ сферы, совершенно ей чуждой, но и выходитъ изъ нея въ ту же чуждую ей сферу. Скоро онъ позабываетъ нѣсколько десятковъ великорусскихъ словъ, которымъ выучился въ школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ забываетъ и тѣ понятія, которыхъ были къ нимъ привязаны. Народный языкъ и народная жизнь снова овладѣваютъ его душою и заливаютъ и изглаживаютъ всякое впечатлѣніе школы, какъ нѣчто совершенно имъ чуждое. Что же сдѣлала школа? Хуже чѣмъ ничего! Она на нѣсколько лѣтъ задержала естественное развитіе дитяти; остается, правда, грамотность или, лучше сказать, полуграмотность, и то не всегда, и можетъ пригодиться къ тому, чтобы на полуруssкомъ напрѣчіи написать какую нибудь ябеду; душу же человѣка такая школа не развиваетъ, а портитъ^{*}).

Законъ 1876 г., истолкованный въ современной Европѣ, какъ проявленіе той же системы оглушенія (Verdummungssystem) **), санкционировалъ это направленіе школы, и мы теперь можемъ видѣть наглядные результаты этой системы. Украинскій народъ въ XVII—XVIII в. значительно превышавшій своею культурностью народъ великорусскій, создавшій своими убогими средствами густую сеть школъ, съ которой едва можетъ сравняться нынѣшняя ***), и удивлявшій чужестранцевъ своими стремленіями къ школѣ и образованію въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ жизни, повидимому не оставлявшихъ мѣста такимъ культурнымъ запросамъ ****),—въ на-

^{*}) Педагогическая поездка по Швейцаріи.—Собрание педагогическихъ сочиненій К. Д. Ушивского, изд. 1875 г., стр. 379.

^{**}) «Записка» харьковского университета, с. 7.

^{***}) См. „Очеркъ“, гл. XXIII, с. 402—3. Въ Слободской Украинѣ перепись 1732 г. показываетъ такой же процентъ учениковъ по отношенію къ населенію, какой существовалъ въ Харьковской губерніи въ 1882 г.; см. докладъ проф. Багалѣя въ брошюре «Къ десятилѣтію издательского комитета харьковск. общ. грамотности», 1901 г.

^{****}) См., напр., записки Павла Алеписского, посѣтившаго Украину въ эпоху Хмельничини: «Начиная съ этого города (Рашкова, на гра-

стоящее время значительно отсталъ отъ великорусскаго народа, благодаря тому преимуществу, какое даетъ послѣднему (при прочихъ равныхъ и даже менѣе благопріятныхъ условіяхъ) обученіе на родномъ языке. Украинское населеніе гораздо менѣе пользуется школою, результаты школьнаго обученія среди нея гораздо ниже. рецидивизмъ безграмотности проявляется въ гораздо болѣе значительныхъ размѣрахъ *). Между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ, тѣдѣ народное образованіе поставлено лучше, процентъ безграмотныхъ падаетъ ниже 20%, въ украинскихъ губерніяхъ онъ нигдѣ не идетъ ниже 50%, а рецидивизмъ вырастаетъ до ужасающихъ размѣровъ, причемъ наблюдается иногда очень скоро, уже чрезъ три-четыре года по выходѣ изъ школы.

Это вполнѣ понятно. Обученіе на чужомъ языке поглощаетъ энергию сельского дитяти до такой степени, что для общаго развитія и приобрѣтенія реальныхъ познаній почти не остается возможности. Напр., высчитано, что наиболѣе удобопонятно составленная изъ употребляемыхъ въ нынѣшнихъ школахъ книгъ для первоначального обученія—книга Бунакова въ первыхъ пяти урокахъ даетъ на общее число 64 словъ только 17 понятныхъ для украинскаго ребенка; въ шестомъ урокѣ изъ 14 словъ семь вовсе не понятны ему, въ седьмомъ изъ 18 девять, и такъ далѣе, не говоря о словахъ

ницѣ Украины съ Молдавіею) и по всей землѣ русскихъ (этимъ имѣніемъ онъ называетъ Украинцевъ, противостоящія имъ «Московитамъ»), то есть казаковъ, мы замѣтили возбудившую наше удивленіе прекрасную черту: всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дочерей, умѣютъ читать и знать порядокъ церковныхъ службъ и церковные напѣвы; кромѣ того, священники обучаются спроть и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ «вѣждами». (т. II, с. 2 перевода Муркоса) «Дѣти многочисленнѣе травы, и всѣ умѣютъ читать, даже спроты» — и тутъ же характерное поясненіе, переносящее настъ въ тяжелыя условія тогдашней жизни: «вдовъ и спротъ въ этой странѣ множество: ихъ мужья были убиты въ безпрерывныхъ войнахъ» (ibid., с. 15).

*) Бѣлоконскій. Итоги земской дѣятельности по народному образованію—«Русская Школа» 1902.

понятныхъ до нѣкоторой степени (при иномъ произношеніи, удареніи, нѣсколько иномъ значеніи, и т. д.) *). Звуковыя схожести при совершенно отличномъ значеніи составляютъ для ребенка непреоборимыя трудности въ пользованіи великорусскимъ языкомъ и великорусской книгой въ дальнѣйшемъ. Если слово „пенька“ украинскій ребенокъ понимаетъ какъ „пеньок“ (пень), „рожа“ какъ „роза“, „лучи“ какъ „лучче“ (лучше), „бабочка“ какъ „баба, женщина“, то чтеніе великорусской книги, само собою разумѣется, превращается въ болѣе или менѣе удачное разгадыванье шарадъ, а результаты школьнай выучки проявляются въ такихъ фразахъ, записываемыхъ въ школьнай тетрадяхъ: „слива плотоядное дерево“, „дыня огородная насѣкомая“, и т. п. Онѣ показываютъ совершенно очевидно, что великорусскія слова, въ концѣ концовъ заученные на память, остаются для ученика совершенно мертвыми звуками, съ которыми мозгъ его не связываетъ никакихъ реальныхъ понятій. Нынѣшняя школьнай система, разсматривающая великорусскій языкъ какъ родной для украинскихъ дѣтей и предлагающая его послѣднимъ даже безъ точнаго объясненія отличій этой офиціальной рѣчи отъ родного языка дѣтей, наполняетъ ихъ голову такимъ столпотвореніемъ словъ и понятій, что вместо развитія безвозвратно забиваетъ болѣе слабыя дѣтскія головы.

Вся энергія преподавателей и учениковъ идетъ на механическую выучку. Церковнославянскія молитвы для „удобопонятности“ переводятся съ одного непонятнаго на другой тоже непонятный языкъ—великорусскій, и ребенокъ, дѣлающій первые шаги въ школѣ, принужденъ „для пониманія“ выучить кромѣ славянскаго еще и великорусскій текстъ молитвы. Этотъ конкретный примѣръ можетъ служить характеристико современной школы, предлагаемой украинскому

*) Вартовий—Яка тепер школа на Україні, ср. «Записку» харківскаго университета и рефератъ С. Русовой при Запискѣ академіи наукъ. Во время печатанія этой главы появилась по этому вопросу еще статья Б. Гринченка «На безпросвѣтномъ пути», Рус. Богатство, 1905 г., X—XII.

населенію—объясненія непонятнаго непонятнымъ, а въ результатѣ школьнай выучки—только задержка въ развитіи, засореніе мозга неусвоеннымъ балластомъ, „извращеніе самостоятельнаго развитія народа, извращеніе всей его духовной природы“, какъ опредѣлилъ результаты такой системы обученія на чужомъ языкѣ одинъ изъ выдающихся педагоговъ Россіи уже сорокъ лѣтъ тому назадъ *). Приводя официальныe взгляды, по которымъ великорусскій литературный языкъ есть настоящій „руссکій“ языкъ, подлежащий усвоенію украинскими дѣтьми, а ихъ украинскій языкъ только его „испорченная“, искаженная разновидность, „жаргонъ“, „арго“,— школа внушаетъ дѣтямъ пренебреженіе къ родному языку, но, не будучи въ состоянії научить ихъ „настоящему“, въ концѣ концовъ лишаетъ ихъ всякаго языка, приводя къ употребленію того „отвратительнаго жаргона“, который, свидѣтельствуя объ этомъ „извращеніи духовной природы“ жертвъ нынѣшней школьнай системы—недостаткѣ у нихъ сознательности въ выраженіи, а затѣмъ и ясности въ мышеніи, обѣ отсутствіи языка какъ точнаго выраженія мысли—является однимъ изъ самыхъ яркихъ проявленій того культурнаго упадка, на который осудилъ украинскное населеніе старый режимъ. Въ этихъ условіяхъ, очевидно, украинское крестьянство неизбѣжно должно все болѣе и болѣе отставать отъ крестьянства великорусскаго.

То знаніе великорусскаго языка, какое учитель въ состоянії вбить въ голову украинскому ребенку въ полтора-два года школьнай науки (далѣе двухъ лѣтъ школьнаго обучения большинство дѣтей вѣдь не идетъ), конечно, совершенно недостаточно для того, чтобы сдѣлать великорусскій языкъ орудіемъ дальнѣйшаго самообразованія для ученика этой школы. Великорусскій языкъ остается для него собраніемъ болѣе или менѣе непонятныхъ, курьезныхъ словъ, и украинскій воспитанникъ великорусской школы и по выходѣ изъ нея читаетъ великорусскую книгу съ трудомъ, пони-

*) Вессель, въ журналѣ «Учителъ» 1862: Мѣстный элементъ въ обученіи.

маеть ее слабо и, понятно, не любить ее читать; это констатируютъ единодушно наблюдатели современной украинской жизни **). Большой спросъ среди народа оказывается на книгу украинскую, но...

Мы знаемъ уже, что национальная политика Россіи въ продолженіе сорока лѣтъ съ неослабною энергию стремилась къ тому, чтобы „въ цѣляхъ чисто государственныхъ“ сократить до минимума книжное производство на украинскомъ языку и ограничить его родами литературы, представляющими наименѣе реальнаго содержанія, — изящной литературой безъ соціальныхъ, историческихъ и национальныхъ мотивовъ, и то по возможности худшаго качества. Популярно-научная и практическая литература для народа оставалась для украинскаго слова сферою запрещеною. За сорокъ лѣтъ черезъ цензуру не прошло и сорока популярныхъ книжекъ, да и появившіяся прошли какъ исключенія, благодаря особымъ ходатайствамъ, случайнымъ послабленіямъ или счастливымъ случайностямъ, между тѣмъ какъ сотни другихъ окончили свое существование въ цензурныхъ архивахъ **). Даже изданіе летучихъ листковъ или краткихъ брошюръ съ гигіеническими советами при эпидеміяхъ холеры, дифтерита и т. п. встрѣчало обыкновенно непреобо-

*) «Крестьянинъ-Украинецъ читаетъ гораздо меньше, чѣмъ Великороссъ, и даже въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ отказывается отъ книгъ по сельскому хозяйству и медицине, совершенно ихъ не понимая, и, следовательно, лишается могучаго средства для поднятія своей сельскохозяйственной культуры и для огражденія своего здоровья отъ бича болѣзней. Неудивительно, что книжки, издаваемыя для народа хотя и украинскими просвѣтительными обществами, но на русскомъ языку (харьковское и кievское) — имѣютъ сбыть главнымъ образомъ не въ украинскихъ сelaхъ, а въ отдаленныхъ сѣверныхъ великорусскихъ губерніяхъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ безпристрастные наблюдатели констатируютъ фактъ слабаго культурнаго роста Малоросса, а въ связи съ этимъ стоять и низкое развитіе его сельскохозяйственной и промышленной культуры» (Доклады лохвицкой комиссіи).

**) Вотъ нѣсколько заглавій запрещенныхъ цензурою книжекъ: Якъ живе тіло людське (популярная физіология), Порадник матерямъ, Порадник жінкамъ, Як годувати малихъ дітей, и т. п.

римья трудности. Для обхода этого страшного запрещения развивается невиданная литература популярно-научныхъ книжекъ въ *sui generis* беллетристической формѣ и благодаря такой беллетристической оболочки удалось увидѣть свѣтъ божій нѣсколькимъ десяткамъ книжекъ научнаго содердания, вродѣ, напр., популярной профилактики дифтерита подъ заглавиемъ: „Видъ чого вмерла Мелася“, книжки о бѣшенствѣ „Добра порада“, и т. п. Конечно, „беллетристическая форма“ въ такихъ книжкахъ должна неминуемо хромать очень сильно и въ значительной степени ослабляетъ даже поучительную силу такой книжки, такъ какъ благодаря такой формѣ ее принимаютъ какъ „сказку“, но въ крайности приходилось прибѣгать и къ такимъ формамъ—впрочемъ, также не всегда спасавшимъ книгу, такъ какъ цензура не соглашается иногда пропускать гигиену или сельское хозяйство даже подъ такимъ беллетристическимъ флагомъ.

Такимъ образомъ друзья и ревнители культурнаго и экономического подъема украинскаго населения, несмотря на все свое желаніе, на всѣ усилія, могли ему предложить очень немного для просвѣщенія и изученія. Но и то немногое, что удавалось при помощи всякихъ ухищреній провести сквозь игольное ухо цензуры, встрѣчало новыя безконечныя трудности въ своемъ распространеніи среди народа. Какъ всякое проявленіе національной жизни, украинская книга, хотя бы дозволенная цензурою, считается въ административныхъ сферахъ явленіемъ опаснымъ, предметомъ дальнѣйшихъ стѣсненій и преслѣдованій. Министерство народнаго просвѣщенія не допускаетъ украинскихъ книгъ для народнаго чтенія въ школьнія библіотеки и народныя читальни. Продажа украинскихъ книгъ (конечно, я говорю о дозволенныхъ цензурою) встрѣчается съ разными придирками со стороны низшей администраціи и полиції, и потому сельские и ярмарочные продавцы не рѣшаются держать украинскую книгу, особенно въ болѣе значительныхъ сорти-ментахъ, и предпочитаютъ предлагать сельскому читателю „безопасныя“ произведенія великорусской лубочной литературы. Въ рукахъ читателя украинская книга также встрѣ-

1

чается съ преслѣдованіями со стороны низшихъ чиновъ полиціи: нерѣдки случаи разныхъ неурядностей, постигающихъ крестьянъ со стороны урядниковъ, стражниковъ и иныхъ чиновъ за то, что они имѣли у себя украинскія (цензурныя) книги или одалживали ихъ своимъ односельчанамъ.

Этотъ недостатокъ украинской школы и украинской книги живо ощущается самимъ народомъ; опросы крестьянъ не оставляютъ въ этомъ случаѣ мѣста сомнѣнію. Одинъ изъ такихъ опросовъ былъ произведенъ еще въ 1860-хъ гг. въ Полтавѣ; недавно опубликованъ былъ подобный опросъ, сдѣланный въ 1905 году въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губ.*). Спрошенные поголовно,—за исключеніемъ нѣсколькихъ неразвитыхъ, безучастныхъ единицъ или богатыхъ крестьянъ, усвоившихъ уже некрестьянскія воззрѣнія,—высказывались за необходимость украинской школы, украинской книги, дешевыхъ газетъ на украинскомъ языке—всего того, въ чемъ имъ упорно отказывается нынѣшній режимъ.

Получается заколдованный кругъ, откуда нѣтъ выхода. Великорусскихъ книгъ украинскій крестьянинъ не понимаетъ и не хочетъ, украинскихъ—не получаетъ. Въ концѣ концовъ, какъ констатируютъ изслѣдователи народной жизни, украинскій крестьянинъ читаетъ очень мало, сравнительно гораздо меньше, чѣмъ крестьянинъ великорусский, не лишенный популярной литературы на родномъ языке. Вынося очень мало реальныхъ свѣдѣній изъ школы, украинскій крестьянинъ не имѣетъ и возможности пополнить недостатокъ своихъ свѣдѣній чтеніемъ. Само искусство чтенія за недостаткомъ упражненія довольно скоро утрачивается, не говоря уже о письмѣ, и рецидивизмъ безграмотности проявляется въ украинскихъ губерніяхъ въ огромныхъ размѣрахъ.

Рядъ другихъ запрещеній дополняетъ это осужденіе на духовную тьму украинскихъ массъ. Публичные чтенія на украинскомъ языке воспрещены. Проповѣдь на украинскомъ языке не допускается также. Изъ суда и административ-

*) Протопоповъ, Исторія петербургск. комитета грамотности, с. 279, «Кievskaiia Starina», 1905, VI, с. 298.

ныхъ учрежденій украинскій языкъ изгнанъ, съ большимъ ущербомъ для интересовъ крестьянъ, имѣющихъ дѣло съ этими учрежденіями. Общеизвѣстны случаи, гдѣ крестьянинъ обвиненный и его суды не понимали другъ друга, говоря разными языками, и результаты такихъ недоразумѣній бываютъ очень печальны.

„Нѣть, вѣроятно, народа, который бы поставленъ въ столь ненормальный условія своего существованія, какъ украинскій, — справедливо заявляютъ въ одной петиції представители украинской интеллигенціи.—Лишенній права пользованія роднымъ языкомъ, какъ средствомъ своего развитія, и осужденный тѣмъ на безмолвіе, онъ лишень и всякой возможности воспринять культурныя приобрѣтенія человѣчества. Отсюда ужасная культурная отсталость и, какъ естественное послѣдствіе ея, слишкомъ низкій уровень экономического благосостоянія народныхъ массъ“ *).

И тѣмъ не менѣе эта система, осуждающая на духовную смерть, упадокъ и экономическое захуданіе огромную народность, проживъ съ лишнимъ сорокъ лѣтъ, держится почти въ полной силѣ и сохранности по нынѣшній день. Подобно тому какъ въ XVII—XVIII вв. московская бюрократія съ холоднымъ упорствомъ шагъ за шагомъ уничтожала политическіе права, автономію и конституціонныя формы Украины, закрывая глаза на глубокое негодованіе украинского общества, отчаянныя проявленія ирредентизма, созданного этой централистической политикой, игнорируя историческія и документальные ссылки, оставляя безъ послѣдствій всѣ петиціи и депутаціи и противостоявляя всѣмъ аргументамъ и просьбамъ военную силу, карательныя мѣры, казни и ссылки,—такъ же поступала бюрократія XIX в. въ сферѣ культурныхъ отношеній. Оставаясь глухою ко всѣмъ ссылкамъ на историческія и культурныя традиціи Украины, на человѣческія права, на элементарныя требованія справедливости и такія же элементарныя экономическія и культурныя потребности на-

*) Петиція изъ г. Лубенъ—«Кiev. Старина», 1905, III, с. 255.

родныхъ массъ, она вела свою политику „непризнанія“ украинской народности, ея культурныхъ и национальныхъ нуждъ. Она закрывала глаза на симптомы неудовольствія, броженія, такія явленія, какъ дѣятельное участіе украинскихъ элементовъ въ революціонныхъ и террористическихъ движеніяхъ, образованіе въ украинскомъ обществѣ крайнихъ партій и направлений, развитіе среди народныхъ массъ отличающихся необыкновеннымъ стихійнымъ напряженіемъ аграрныхъ движений. Съ неумолимою точностью автомата она отбрасывала въ продолженіе десятилѣтій безчисленныя петиціи обѣ освобожденіи украинского слова, о разрешеніи украинской прессы, о допущеніи украинскаго языка въ школу и т. п., квалифицируя какъ преступленія, какъ покушеніе на государственное единство всякое живое проявленіе непреоборимыхъ духовныхъ потребностей народа...

Освободительная вѣянія, пронесшіяся въ правящихъ кругахъ Россіи въ концѣ 1904 г., поколебали-было эту непреклонную решимость правящихъ сферъ въ проскрипції украинского слова. Комитетъ министровъ, приступивъ въ послѣднихъ дняхъ 1904 г. къ обсужденію способовъ устраненія изъ постановленій о печати излишнихъ стѣсненій, остановился между прочимъ и на стѣсненіяхъ украинского слова. Онъ пришелъ къ убѣждению, что „украинофильское движение“ не представляетъ, собственно говоря, никакой опасности, а между тѣмъ примененіе закона 1876 г. приноситъ видимый вредъ: „значительно затрудняя распространеніе среди малорусскаго населения полезныхъ свѣдѣній путемъ изданія на понятномъ для крестьянъ нарѣчіи книгъ, препятствуетъ повышенію нынѣшняго низкаго культурнаго его уровня“ *). Хотя необходимость отмены стѣсненій, тяготѣющихъ на украинскихъ изданіяхъ, въ виду этого комитету представлялась вполнѣ ясно, онъ однако „въ видахъ вѣнчайшей осторожности“ поручилъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія запросить еще по этому вопросу академію наукъ, университеты кіев-

*) Отношеніе министра вар. просвѣщенія академіи наукъ отъ 30 янв. 1905.

скій и харьковскій и киевскаго генераль-губернатора, и ихъ соображенія вмѣстъ съ своими заключеніями предложить комитету для окончательного решения. Всѣ запрошенныя инстанціи высказались за отмѣну стѣсненій украинскаго слова. Академія наукъ въ обширномъ рефератѣ опровергла ходячіе аргументы, выставлявшіеся противъ украинскаго языка и украинской литературы, и, выказавъ огромный вредъ, причиненный запрещеніями украинскаго слова, находила необходимо и неотложно отмѣну запрещеній, тяготѣющихъ на украинскомъ словѣ, чтобы украинское населеніе „имѣло такое же право, какъ и великорусское, говорить публично и печатать на родномъ своемъ языке“. Харьковскій університетъ въ своей запискѣ поставилъ кромѣ того вопросъ о необходимости введенія украинскаго языка въ народной школѣ въ мѣстностяхъ съ украинскимъ населеніемъ, допущенія украинскихъ книгъ въ народныя читальни и библіотеки, предоставленія полной свободы бесѣдъ, чтеній и проповѣдей на украинскомъ языке, отмѣны всякихъ ограниченій относительно украинской прессы и сцены^{**}). Уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1905 года комитетъ имѣлъ возможность ознакомиться съ записками запрошенныхъ учрежденій, однако минуло еще полгода безъ всякаго движенія вопроса, и наконецъ въ сентябрѣ появились извѣстія, что въ концѣ концовъ отмѣна запрещеній украинскаго слова правительствомъ признана „несвоевременно“. Старая проскрипционная традиція взяли верхъ надъ соображеніями о вредѣ и несправедливости стѣсненій украинскаго слова, и разносторонніе, богатые доводы компетентныхъ ученихъ и административныхъ учрежденій оказались безсильными предъ неумолимыми традиціями бюрократического Молоха.

Что сознаніе вреда, причиняемаго запрещеніемъ украинскаго слова, въ рѣшающихъ сферахъ скоро уступило мѣсто инымъ соображеніямъ, это показали и другія постановленія. Глубокое изумленіе возбудилъ тотъ фактъ, что, вводя польскій и литовскій языкъ въ преподаваніе народныхъ школьн-

*) «Записка по вопросу о цензурѣ книгъ на малорусскомъ языке» (официальное издание совѣта харьковского университета).

высшихъ типовъ и среднихъ учебныхъ заведеній съверо- и юго-западнаго края, правительственное распоряженіе (3 мая 1905 г.) совершиенно обошло языки украинскій и бѣлорусскій. Разгадку дало появившееся затѣмъ „извлеченіе изъ журнала комитета министровъ“, гдѣ сообщенъ такой мотивъ: „Соображая, какія изъ нарѣчій, употребляемыхъ населеніемъ западнаго края, настолько филологически обосабились и развились, что могутъ стать предметомъ преподаванія, комитетъ высказалъ, что малороссійское и бѣлорусское нарѣчія такъ близки русскому языку, что совмѣстное преподаваніе ихъ не вызывается потребностями дѣла; бѣлорусское нарѣчіе къ тому же, не имѣя литературы, едва ли даже можетъ быть преподаваемо самосто-ятельно“. Для комитета такимъ образомъ остались мертвыми словами выводы академіи наукъ (оказалось бы—учре-жденія, по вопросамъ филологии достаточно компетентнаго и въ его глазахъ) объ исконности украинскаго языка, о невоз-можности исключать его понятіемъ несуществующаго обще-русскаго языка, о печальныхъ результатахъ, къ какимъ при-водить его преслѣдованіе, и т. д. Комитетъ не остановило со-ображеніе, что, въ качествѣ родного языка украинскихъ дѣ-тей, украинскій языкъ, независимо отъ своего ранга, имѣть такое же право на преподаваніе имъ, какъ польскій и лите-товскій дѣтямъ польскимъ и литовскимъ. Ему известно было, какъ видно изъ приведенныхъ словъ, что на этомъ языкѣ существуетъ литература, съ которой украинскія дѣти имѣютъ право на знакомство не менѣе, чѣмъ польскія или литовскія дѣти—съ польскою и литовскою. Но, очевидно, принципъ: „не было, нѣть, и быть не можетъ“ вытѣснилъ всѣ эти со-ображенія.

Фактъ этотъ, вирочемъ, не стоялъ и не стоитъ одиноко. Допуская въ мѣстностяхъ Привислинскаго края съ преобла-дающимъ польскимъ населеніемъ польскій языкъ въ дѣло-производство сельскихъ правленій и въ сношенія съ ихъ не-посредственнымъ начальствомъ, правительственное распоря-женіе въ тѣхъ мѣстностяхъ этого края, гдѣ преобладаетъ украинское населеніе, сохраняетъ языкъ (велико-) русскій. Остается даже незатронутымъ вопросъ объ украинскомъ

языкъ въ школѣ и въ управлениі въ губерніяхъ чисто-украинскихъ. Оставались безъ удовлетворенія ходатайства о допущеніи украинскихъ книгъ въ народныя читальни. Отклонены были десятки прошеній о разрѣшеніи изданія украинскихъ газетъ и журналовъ, поступившихъ за послѣдніе годы, вплоть до самаго конца 1905 года. Безъ результата и даже безъ отвѣта остались ходатайства о допущеніи къ обращенію въ Россіи научныхъ и литературныхъ изданій на украинскомъ языке, выходящихъ въ Галиціи, и т. д.

Пока единственную брешь въ старой практикѣ сдѣлали временные правила о періодической печати, распространивъ введенный ими порядокъ изданія повременныхъ изданій на всѣ языки, не исключая и украинскаго, и послѣдовавшій за ними циркуляръ о порядкѣ допущенія заграничныхъ періодическихъ изданій. Явилась возможность издавать украинскія газеты, притомъ безъ соблюденія „общерусскаго“ правописанія. Но въ дѣйствительности изданіе и распространеніе украинской газеты среди хронически господствующихъ въ украинскихъ губерніяхъ усиленныхъ охранъ и военныхъ положеній оказалось вѣщью настолько трудною, требующею такого полнаго воздержанія отъ всѣхъ животрепещущихъ темъ украинской жизни, что и эта брешь имѣть пока чисто формальное значеніе. Указъ 1876 г. считается дѣйствующимъ закономъ и связанныя съ нимъ цензурная практика не поколеблена. Остается неизвѣстнымъ, насколько улучшить положеніе живого украинскаго слова опубликованная на-дняхъ отмѣна пресловутыхъ „временныхъ правилъ къ устройству чтеній для народа“. Оптимистомъ вирочемъ быть трудно.

Въ правящихъ сферахъ, гдѣ столько говорилось о небезопасности украинскаго сепаратизма и т. п., очевидно, находятъ все еще недостаточною силу и напряженность украинскаго движенія, чтобы снять стѣсненія, тяготѣющія на украинствѣ. Безчисленныя петиціи, адресы, записки, поступавши изъ разныхъ мѣстностей, изъ разныхъ круговъ украинскаго общества, въ его глазахъ кажутся все еще слабымъ выражениемъ потребностей украинскаго населенія. Эти сферы предоставляютъ ему высказать предварительно свои запросы

болѣе сильно и напряженно—иначе трудно себѣ истолковать политику послѣднаго года.

Къ сожалѣнію, нужно сказать, что игнорированіе правящими сферами украинскаго вопроса совпадаетъ съ довольно безучастнымъ же отношеніемъ къ этому вопросу самого великорусского общества и его руководящихъ круговъ. Если „патріотическая“ часть печати не щадить инсинуаций и обвинений по отношенію къ кардинальнымъ запросамъ украинскаго общества, то въ прогрессивныхъ органахъ обыкновенно царствуетъ холодное и мало располагающее молчаніе. По большей части нѣтъ прямо враждебныхъ выходокъ, но нѣтъ сочувствія и помощи. Ее находятъ Поляки, Финляндцы, нѣкоторыя другія народности, но безпощадно угнетенная украинская народность, самая большая изъ негосударственныхъ народностей Россіи, наиболѣе близкая по крови великороссійской и внесшая въ сокровищницу ея культурной, общественной и государственной жизни столько, сколько не внесла никакая другая, не находить живой поддержки въ своихъ стремленіяхъ къ раскрытию.

„Мы, Великороссы, всѣ, за исключеніемъ развѣ немногихъ, нужно правду сказать, или совершенно индифферентно относились, или, что еще хуже, старались и стараемся всѣми силами противодѣйствовать самостоятельному ихъ (т.е. Украинцевъ), на национальной почвѣ построенному, развитію,—пишаль недавно очень искренно, хоть и не очень складно, одинъ „Великороссъ“ *).—Вѣдь мы, Великороссы, только и ограничиваемся ровно ничего не стоящими восклицаніями по адресу „холловъ“—украинцевъ обѣ ихъ краѣ, гдѣ „среди садовъ деревья гнутся долу“, обѣ ихъ пѣвучести и „удивительномъ“, своеобразномъ ихъ характерѣ, а между тѣмъ не видимъ, что этотъ нашъ братскій народъ, которому мы многимъ обязаны, весь стонетъ отъ своей приниженности, главнымъ виновникомъ которой являемся въ послѣднемъ счетѣ мы, Великороссы!“

„Вѣдь не тайна, что въ свое время не сочувствовалъ этому

*.) Цитирую по перепечаткѣ въ «Кiev. Старинѣ», 1905, VI.

даже такой человѣкъ, какъ Бѣлинскій—этотъ идолъ современной ему великорусской нашей молодежи. Вѣдь онъ одобрялъ даже арестъ Шевченка и называлъ его, Кулиша и другихъ „ему подобныхъ“ чуть ли не дураками, негодяями, проникнутыми „мелкимъ хохлацкимъ патріотизмомъ“ („Отечественныя Записки“). А нынѣшніе Суворины, Григмуты, Ярмонкины со своими „Зарями“, Мещерскіе съ „Гражданами“, гг. Ивановы, Берги со своими „Театральными Вѣстниками“, „Родными Рѣчами“, „Днями“, „Родными Нивами“ и т. п., и т. п. Развѣ эти господа не доказываютъ *) своими трещотками молчаніе по этому вопросу передового нашего общества? Нѣкоторые изъ нашихъ говорятъ еще, что и сами Українцы не совсѣмъ горячо требуютъ своего; но развѣ, господа, вы не видите по этому дѣлу петицій, проектовъ, докладныхъ записокъ и т. п.? Развѣ наше великорусское общество не знаетъ обнародованныхъ въ печати за декабрь и январь мѣсяцы 1905 года и потерпѣвшихъ неудачу чуть ли не 20 прошений объ изданіи украинскаго журнала? Развѣ нашему обществу неизвѣстны массовыя требованія украинской интеллигенціи изъ Одессы, Киева, Лубенъ, Харькова и другихъ городовъ, отъ земствъ, педагоговъ-учителей, писателей украинскихъ, сельскихъ обществъ и др. о введеніи украинскаго языка въ школы? Развѣ великорусское наше общество не знало о цѣлой по этому дѣлу депутаціи въ Петербургъ? А блестящая просвѣтительная дѣятельность ихъ въ родной Галичинѣ, мѣстныя тамъ научныя общества, школы среднія, низшія и высшія съ украинскимъ преподавательскимъ языкомъ, всевозможные газеты, журналы и т. п.—развѣ все это не доказываетъ неутомимой энергіи сознательной половины украинского общества на благое дѣло? Но кто сочувственно откликнулся изъ нашихъ по этому вопросу? Кто привѣтствовалъ добрая начинанія Украинцевъ? Никто... Все наше общество апатично молчало и молчитъ или косо-недовѣрчиво поглядываетъ на поднимающее голову „хохломанство-украинофильство“, какъ не стѣсняются и до сихъ поръ обозначать

*) Авторъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать «оттѣняютъ».

гг. Суворины, Ивановы и компания. культурное движение
Украинцевъ».

Историческимъ процессомъ поставленная между народностью великорусскою и польскою, находящимися въ лучшихъ условіяхъ для своего национального развитія, украинская народность все еще слишкомъ часто считается quantité negligible. Представители великорусского и польского общества готовы устанавливать свои отношенія за счетъ украинской народности, не справляясь о стремленихъ и желаніяхъ этой послѣдней. Такъ, напр., постулатъ выдѣленія въ автономное политическое тѣло такъ наз. Привислинского края въ нынѣшнемъ его составѣ, принятый въ руководящихъ сферахъ польского и великорусского общества, не находилъ нужнымъ серьезно считаться съ тѣмъ фактомъ, что эта совершенно случайно и произвольно скроенная область кромѣ польской территории заключаетъ въ себѣ также территории украинскія, бѣлорусскія и литовскія. Изъ украинской территории включена въ ея составъ почти вся Холмская Русь, входившая до половины XIV в. въ составъ Галицко-Волынского государства, а позже—Русского воеводства, и ни исторически, ни этнографически не имѣющая ничего общаго съ коренной Польшей. Включение ея въ границы автономной Польши, конечно, было бы вопиющей несправедливостью по отношенію къ украинскому народу, но напоминанія объ этомъ представителей украинской интеллигенціи невнимательно и недоброжелательно встрѣчались не только въ польскихъ, но и въ великорусскихъ кругахъ, очевидно, не желавшихъ такими "мелочами" нарушать гармонію польско-великорусского соглашенія.

Такихъ примѣровъ можно было бы дать и больше. Я не буду останавливаться на нихъ, а укажу на явленіе еще болѣе крупное—безучастное или даже несочувственное отношеніе значительного большинства прогрессивной великорусской интеллигенціи къ постулату автономіи Украины. Между тѣмъ какъ требование автономіи Польши, напр., весьма опредѣленно поддерживалось и пропагандировалось ею, требование автономіи Украинцевъ встрѣчалось непріязненно, и многіе люди,

которыхъ мы привыкли считать лучшими представителями великорусской интеллигенції, не останавливались даже предъ разсужденіями, что иное дѣло Польша, а иное Украина, что украинскій языкъ не болѣе какъ нарѣчіе великорусскаго, и автономія Украины абсурдъ, и т. д. Не входя въ оцѣнку этихъ аргументовъ, я только напомню, что, призываи всѣ народности Россіи къ дружной работѣ надъ ея освобожденіемъ, необходимо позаботиться о томъ, чтобы эти народности въ схемѣ обновленій Россіи находили удовлетвореніе своихъ наиболѣе существенныхъ нуждъ — въ томъ числѣ и народность украинская, независимо отъ всякихъ филологическихъ или дипломатическихъ соображеній, созданныхъ „истинно-русскими“ публицистами, ничего общаго съ прогрессивною Россіею не имѣющими. Иначе какая же возможна дружная работа, какое единодушіе и довѣріе?

Вообще опытъ послѣдняго времени, такъ много сдѣлавшаго для преоцѣнки многихъ теоретическихъ и практическихъ цѣнностей, благодаря открывшейся возможности высказаться сравнительно свободно по кардинальнымъ вопросамъ общественныхъ и національныхъ отношеній, много содѣствовалъ уясненію положенія украинства въ Россіи и ожидающихъ его перспективъ. Выяснилось, какъ мало можно ожидать, при всѣхъ вѣяніяхъ, какихъ либо уступокъ отъ бюрократіи. Съ другой стороны, представилось съ совершенной ясностью, что и введеніе конституціоннаго строя само по себѣ вовсе не разрѣшаетъ украинскаго вопроса, а вводить только новые факторы въ борьбу украинской народности за ея національное самоопределение.

Вполнѣ опредѣленно вырисовался предъ украинскимъ обществомъ фактъ, что гарантіи свободнаго національнаго, экономического и культурного развитія оно можетъ найти лишь въ автономіи, обнимающей всю украинскую территорію, т. е. мѣстности съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ Россіи. Только такая реформа можетъ избавить его отъ перспективы національной борьбы, отъ необходимости тратить усилия на разрѣшеніе національнаго вопроса, организуя общественные силы для борьбы съ неблагопріятнымъ отношеніемъ

къ украинству правящей бюрократії и руководящихъ єферь великорусского общества, расходовать общественную энергию на национальное треніе, для достижения того, что должно послужить простою почвою для развитія культурного и экономического прогресса народа—свободы и нестѣсненности его национальной стихіи. Съ выдѣленіемъ национальной территории и предоставленіемъ ей широкаго самоуправлениія, национальность превращается изъ боевого клича, изъ предмета борьбы, парализующей устроеніе экономическихъ и культурныхъ отношеній, въ нечто само собою подразумѣваемое, никакихъ особыхъ усилий и соображенія не требующее, простую почву, какъ я сказалъ, на которой совершаются экономическая и культурная отношенія. Для народности такъ запущенной бюрократическою политикою въ своемъ экономическомъ и культурномъ развитіи, какъ украинская, было бы въ высшей степени важно получить возможность сосредоточить всѣ силы и энергию на экономическомъ и культурномъ подъемѣ массъ, не тратя времени и силъ на национальную борьбу—и эту возможность можетъ дать ей только национальная автономія^{*)}.

Это сознаніе проникаетъ все глубже въ современное украинское общество, и на пунктъ национальной автономіи въ настоящее время сходятся всѣ национальныя теченія его. Оно сходится на этомъ пункте и съ другими негосударственными народностями Россіи, стремленія которыхъ нашли выражение въ резолюціяхъ съѣзда журналистовъ и литераторовъ Россіи, въ апрѣлѣ 1905 года:

„Признавая полную гражданскую и политическую равноправность всѣхъ народностей, входящихъ въ составъ Россійского государства, и право каждой изъ нихъ на самостоятельное национально-культурное самоопредѣленіе, съѣздъ находитъ необходимымъ, чтобы эта равноправность и это право были гарантированы основнымъ закономъ государства и чтобы отдельнымъ народностямъ была предоставлена возможность создания учрежденій, осуществляющихъ ихъ

^{*)} Ср. статью мою: Децентрализациія и национальный вопросъ—«Сынъ Отечества», 1905 № 133.

право на свободное национально-культурное развитие. Исходя изъ основного положения о политическомъ единствеъ Россійского государства и вмѣстѣ съ тѣмъ признавая необходимость децентрализаціи государственного управления, съѣздъ находитъ, что за отдельными народностями, заселяющими определенные части государственной территории, должно быть признано право на автономію на основаніяхъ, устанавливаемыхъ особымъ для каждой области органическимъ статутомъ^{*)}.

Только автономія можетъ сочетать потребности части съ потребностями цѣлаго, интересы области съ интересами цѣлости государства. Только национально-территориальная автономія обеспечить свободное развитіе отдельныхъ национальностей въ составѣ государства, создастъ надлежащій *modus vivendi* между ними и устранить ихъ центробѣжные стремленія. Только она можетъ превратить народы Россіи изъ невольниковъ, насильственно прикованныхъ къ колесницѣ побѣдителя, въ свободныхъ сотрудниковъ, озабоченныхъ сохраненіемъ и развитіемъ силъ ихъ общаго отечества—того „отечества“, котораго они не имѣли и не имѣютъ досель. И поэтому принципъ национально-территориальной автономіи долженъ быть проведенъ рано или поздно въ интересахъ самого государства. И чѣмъ раньше онъ будетъ осуществленъ, тѣмъ менѣе будетъ потрачено силъ и жертвъ на национальную борьбу, на центробѣжные стремленія.

И въ частности, для украинской народности все другое кромеъ национальной автономіи не можетъ бытьничѣмъ большимъ, какъ переходными формами, этапами въ движении украинской народности къ возможности самоопределенія. Пробужденіе украинского общества изъ той безучастности и оѣненія, въ которое погрузила большинство его сорокалѣтняя система запрещеній и устрашеній, совершившееся на нашихъ глазахъ и могущественно проявившееся въ воз-

^{*)} Цитирую по перепечаткѣ въ «Кievской Старинѣ» 1905. V с. 210—1

вращеніи его къ національнымъ и политическимъ постулатамъ *), служить ручательствомъ, что эти этапы украинское общество не замедлить пройти.

Народность, настолько крупная, настолько богатая содержаниемъ и жизненными силами, не разбитыми столѣтіями насилиственного подавленія, не можетъ быть приведена къ небытію гнетомъ и запрещеніями. Всѣ эти стѣсненія могутъ только задержать ея развитіе, но не болѣе, и въ концѣ концовъ она не можетъ не взять свое. Факты послѣдняго времени утверждаютъ въ непоколебимомъ убѣжденіи, что широкое и всестороннее развитіе украинской народности лишь вопросъ времени, вѣроятно—очень недалекаго времени.

*) Напомню, напр., петицію украинскихъ литераторовъ объ отменѣ указа 1876 г., такія же петиціи гражданъ г. Харькова и харьковскихъ профессоровъ, одесской интеллигентіи, записку «О нуждахъ украинской печати», покрытую многочисленными подписями, такую же записку: «Нужды украинской школы», петиціи по тому же вопросу кievского общества грамотности, полтавскаго сельскохозяйственного общества, полтавскаго и черниговскаго губернского земства, воспитанниковъ учительскихъ семинарій и т. д. (Большую частью эти записки и петиціи были перепечатаны въ «Кievской Старинѣ»).

Въ продажѣ имѣются,

между прочимъ, еще такія сочиненія того же автора:

Історія України-Руси 2 изд., т. I, II і III, 1904—5, по 7.50 кронъ.	
т. IV, 1 изд., 1903 5.00 "	
т. V, 1 изд., 1905 7.50 "	
т. V, часть вторая, отдельно 3.50 "	
(первая часть отдельно не продается).	

Розвідки й матеріали до історії України-Руси, кн. II—V 12.00 кронъ
Люстрації королівщини в руських землях XVI в., т. I—IV (Жерела до історії України-Руси, т. I, II, III і VII) 17.00 "
Вступний виклад з історії давньої Руси, 1894 . 0.20 "
Виїмки з жерел до історії України-Руси кн. I— до пол. XI в., 1895 2.00 "
Описи Ратенського староства, 1898 0.60 "
Хмельницький і Хмельнищина, 2 изд., 1899 . . 0.20 "
Звенигород галицький, 1899 0.70 "
Похоронне поле в с. Чехах, 1899 0.60 "
Справа українсько-руського університету у Львові, 1899 0.50 "
Хронологія подій Галицько-волинської літописи, 1901 1.00 "
Чи маємо автентичні грамоти кн. Льва . . . 0.50 "
Економічний стан селян в Львівській королів- щині XVI в., 1903 0.20 "
Звичайна схема „руської“ історії її справа раціо- нального укладу історії східного словян- ства, 1904 0.20 "
Етнографічні категорії й культурно-археологічні типи в сучасних студіях східної Європи, 1904 0.30 "
Спірні питання староруської етнографії, 1904 . . 0.50 "

Матеріали до історії суспільно-політичних і економічних відносин Західної України, ч. I,
1905 3.00 кронъ

Складъ этихъ изданий въ книжной торговлѣ Наук. Товариства имъ Шевченка, Львовъ, Театральная, 1 (Lemberg, Theaterstr. 1, Schewtschenko-Buchhandlung); въ Россію они высылаются по заказной бандеролью по расчету за крону по 45—50 коп. съ пересылкою (высылка "наложеннымъ платежемъ" не имѣеть мѣста). „Історія“ высылается по 3 р. 60 коп. за томъ (имѣется также въ книжныхъ магазинахъ кievскихъ, петербургскихъ и др.).

Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярополава до конца XIV столѣтія 1891 2 р. 75 к.
Волынскій вопросъ 1098—1102 г., 1891 — „ 30 „
Къ вопросу о Болоховѣ, 1893 — „ 15 „
Барское старство, исторические очерки, 1894 2 „ 25 „
Акты Барского старства т. I—II, 1893—4 (Архивъ Югозап. Россіи, ч. VII, т. 1 i 2) 4 „ — „
Львовское Ученое общество им. Шевченка и его вклады въ изученіе Южной Руси, 1904 — „ 30 „
Еще о граматахъ кн. Льва галицкаго (по поводу статьи проф. Липницкого), 1904 — „ 15 „
Къ польско-украинскимъ отношеніямъ Галиціи, 1905 — „ 30 „
Склады въ кievскихъ книжныхъ магазинахъ „Кіевской Старинѣ“ (Безаковская, 14) и Н. Оглоблина (Крешчатикъ, 33).
Geschichte des ukrainischen (ruthenischen) Volkes, autorisierte Uebersetzung aus der 2. ukrainischen Ausgabe, I Band (Komissionsverlag von B. G. Teubner in Leipzig) 18.00 Mark.

Очеркъ исторіи украинского народа, изданіе второе, дополненное (стр. VII+514+3 карты), 1906 2 р. 50 к.
Украинство въ Россіи, его запросы и нужды 25 к.

Склады изданій въ книжныхъ магазинахъ: Общественной Пользы въ Петербургѣ (Б. Подъяческая, 39), Н. П. Карбасникова въ Петербургѣ (Литейный, 46) и Москвѣ (Моховая, „Кіевской Старинѣ“ въ Кіевѣ (Безаковская, 14)).